

ПОЛ СТЮАРТ
КРИС РИДДЕЛЛ

ЗМЕИНАЯ ПУСТОШЬ

СОКРОВИЩЕ ЗМЕЕЛОВА

ДЛЯ ВСЕХ ПОКЛОННИКОВ
ИСТОРИЙ О ДРАКОНАХ

Пол Стюарт
Крис Ридделл
Змеиная пустошь.
Сокровище змеелова
Серия «Змеиная пустошь», книга 1

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50195022

Пол Стюарт, Крис Ридделл. Змеиная пустошь. Сокровище змеелова:

АСТ; Москва; 2020

ISBN 978-5-17-115930-6

Аннотация

Змеиная пустошь – страшное место высоко в горах, где обитают диковинные драконоподобные существа. Только отчаянные храбрецы забредают сюда, чтобы поохотиться на змеев. Семнадцатилетний Мика отправляется в драконье логово, чтобы найти своё сокровище. Мика готов к опасным приключениям, но вот к чему он не был готов, так это к встрече с прекрасной Фракией, для которой защищать чудовищ – дело жизни.

Содержание

Глава первая	8
Глава вторая	12
Глава третья	16
Глава четвёртая	22
Глава пятая	32
Глава шестая	37
Глава седьмая	42
Глава восьмая	48
Глава девятая	50
Глава десятая	59
Глава одиннадцатая	68
Глава двенадцатая	73
Глава тринадцатая	77
Глава четырнадцатая	84
Глава пятнадцатая	91
Глава шестнадцатая	101
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Пол Стюарт, Крис Ридделл

Змеиная пустошь.

Сокровище змеелова:

WYRMEWEALD: Returner's Wealth

First published in Great Britain by Doubleday, an imprint of
Random House Children's Books

A Random House Group Company

Copyright © Paul Stewart and Chris Riddell, 2010

Текст и иллюстрации Пола Стюарта и Криса Ридделла

© Л. Смилевска, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2020

«Настоящий лакомый кусок для фанатов драконов»,
Kirkus Review

«Блестяще написанная книга – поглощает и увлекает».
Fantasy Book Review

«Дерзкая книга о любви и драконах».
Financial Times

Посвящается Джули
П.С.

Посвящается Кэти
К.Р.

Старейший из великих белозмеев повернул свою могучую голову в сторону горизонта. Его ноздри раздувались.

Ветер снова принёс этот запах – мерзкий и зловонный, смертоносный для всего, чего коснётся. Усы по краям пасти огромного белозмея подрагивали.

Это был запах двушкурных. И ощущался он ближе, чем когда-либо.

Отовсюду с вершин зубчатых скал и раскалённых утёсов белозмеи обращали к старейшему вопросительные взгляды, ожидая сигнала к отбытию. Все, кроме одной самки.

Она извивалась и корчилась от судорог на вершине крапчатой скалы, её челюсти были стиснуты от боли, а чешуя покраснелась. Отблески огня из глубины узкой, похожей на трубу скалы плясали на её распластанных крыльях и животе, раздутом из-за выросшего внутри яйца.

Она издала пронзительный крик, и всё её тело содрогнулось. Затем она присела, выгнув хвост и расправив крылья.

Её бёдра сжались. Она запрокинула голову и широко разомкнула челюсти; её крик стал громче и отчаяннее.

Это случилось. Яйцо вот-вот должно было появиться.

Догорающие лучи золотого солнца выхватили сверкающую скорлупу, показавшуюся из её чрева. Она медленно увеличивалась. С каждым усилием обнажалось всё больше шершавой белой скорлупы, пока в мягкое гнездо из горячего пепла, подготовленное самкой, с мягким стуком и облаком пыли не упало огромное, размером с валун, яйцо.

Всё ещё дрожа, самка внимательно осмотрела его, переваливая его своим рогом на носу и подгребая к нему пепел тонкими когтями. Наконец её тело успокоилось, и мерцавшая пурпурным блеском чешуя снова стала белой. Она обернулась к старейшему белозмею, наблюдавшему за ней с соседней вершины, и склонила голову.

В ответ белозмей расправил крылья и энергично взмахнул ими. По этому сигналу повсюду вокруг стали взмывать в воздух его соплеменники. Они поднимались с причудливых скал: с чёрной иглы, ломаных хребтов и белых столбов, — и вот небо стало густым от заполнивших его огромных существ, а скалистая местность потемнела от их теней, когда они закрыли собой солнце.

Затем огромная стая змеев, все как один, покружили и улетели. Тысячи змеев, больших и маленьких, молодых и старых. Самка бросила последний долгий взгляд на яйцо и тоже взлетела с края крапчатой скалы. Старейший белозмей

последовал за ней. Летя бок о бок, эти двое поспешили за стаей, устремившейся к красному шару заходящего солнца.

Вскоре змеи скрылись из виду, а земля и возвышающиеся пики гор опустели. Почти. Несколько змеев всё же остались.

Грациозные и сильные, они отказались следовать за остальными. Сейчас, как никогда, детёныш нуждался в защите – как и другие, укрывшиеся на вершинах соседних скал. Они ни за что бы не оставили их. Они не могли.

Глава первая

Первое, чего он лишится, как только падальщики приземлятся, – это глаза. Зоркие змеев-падальщиков с когтями-серпами и зубами-тесаками уже кружили над головой.

Мика уставился на труп. Тот лежал на животе, лицо покоилось на бугристом камне. Одна рука была вытянута, скрюченные пальцы раздулись и окоченели.

Юноша осторожно ткнул тело в бок носком ботинка. Пальцы сквозь дыру в ботинке нащупали твёрдые бугорки рёбер покойника. Мика просунул нос ботинка дальше, под живот, обхватил ноги и перевернул тело. На камне, там, где лежало лицо, осталась кучка сломанных зубов, дырявых, табачно-жёлтого цвета; возле корней на песке краснело кровавое пятно. Голова резко дёрнулась назад, затем вперёд, и тело с глухим стуком повалилось спиной на землю, подняв небольшое облако пыли.

Мика присел на корточки возле тела. Лицо покойника было пустым, сморщенным от обезвоживания, а тёмные, полные ужаса глаза смотрели на Мику невидящим взглядом. Кровь запеклась вокруг разбитого носа и в уголках губ, покрытых коркой грязи.

Мертвец был одет как заправский путешественник. Под ремешком его поношенной кожаной шляпы, измятой и с пятнами пота на полях, были аккуратно спрятаны крючки для ловли птиц и наконечники стрел. Его добротный пиджак из оленьей кожи протёрся на локтях и обтрепался на манжетах, а брюки пестрели следами долгих лет штопания и ла-

тания. Возле него валялся рюкзак, наполовину вывернутый наизнанку и лишённый припасов, а рядом лежала бутылка из тыквы, откупоренная и сухая, как кость. А вот ботинки – ботинки были чудо как хороши. Из тиснёной кожи, мягкие, с хорошей пропиткой, прочной, подбитой гвоздями подошвой и носами, укреплёнными металлическими пластинами. Но как ни были хороши ботинки мёртвого путешественника, они не спасли его, когда иссякли запасы воды.

Мика протянул руку и стянул с мертвеца правый ботинок. Из-под него показалась стопа, синевато-серая, будто свинцовая, припухшая возле пальцев, как от долгого пребывания в воде, а кожа была гладкой и без единой мозоли, как Мика и ожидал. Запах же, резкий и кислый, как от прогорклого твора, стал для него неожиданностью.

Вдруг над его головой раздались пронзительные крики, и Мика, прищурившись, взглянул вверх, где на фоне далёкого солнца кружились тёмные силуэты. Он занялся вторым ботинком – пальцы неловко управлялись со шнурками и резко дёргали их. Наконец развязав шнурки, он поднял взгляд и увидел зубчатые крылья змеев-падальщиков, которые теперь кружились ниже, рассмотрел их когти-серпы и блестящие зубы-тесаки. Быстро отбросив свои ботинки в сторону, он натянул на ноги новые – один, затем другой, – и, покрепче завязав их, вскочил на ноги; в ту же минуту первый из падальщиков приземлился рядом, вскинул голову и возмущённо завизжал.

Мика сделал шаг назад. Он потянулся за своей тяжёлой палкой. Вслед за первым приземлились ещё два существа, сверкая кроваво-красными глазами и бугристыми черепами. Они прыжками приближались к нему, визжа вразнобой. Отвечая яростными криками и стараясь отогнать их, Мика стал размахивать в их сторону тяжёлой деревянной палкой – а затем резко повернулся и побежал.

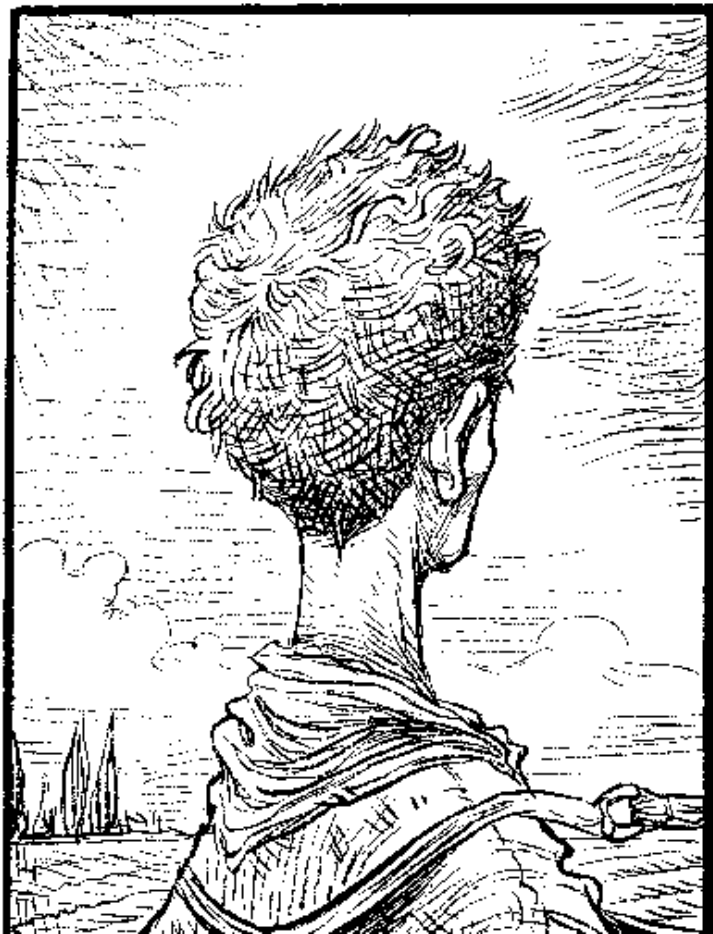
Позади него раздавались визг и трескотня безумной злобой возни. Он обернулся. Никто за ним не гнался. Существа сгрудились вокруг мёртвого тела, и оно скрылось из вида в копошащейся массе хлопающих крыльев, скребущих когтей и щёлкающих зубов...

В следующую минуту воздух наполнился тошнотворным зловонием: змеи-падальщики вскрыли живот мертвеца. Мика чуть не вырвало.

Второй раз Мика обернулся, только когда неистовое безумие пирующих существ совсем стихло. Кровавую сцену скрыл от него низкий горный хребет, но где-то вдалеке, ему казалось, он смог разглядеть очертания зубчатых крыльев, снова хлопающих в небе. Он остановился, согнулся пополам, переводя дух, и уставился на свои прекрасные новые ботинки.

Он знал: его собственная фляга почти пуста.

Глава вторая

Всё было совсем иначе каких-то три коротких месяца назад, там, на равнине...

– Соберись и работай, Мика, – проревел Кaleb. – Или твоя спина встретится с моим кнутом!

Мика опустил голову и сжал рукояти плуга так крепко, как только мог своими стёртыми до волдырей пальцами, и когда вол побрёл вперёд, он силился удержать тяжёлый плуг, чтобы тот двигался как можно ровнее. Он смотрел, как лезвие врежется в твёрдую почву и как чёрную землю отбрасывает слой за слоем, пока плуг идёт по линии.

Мика поднял голову и снова уставился в туманную даль; за поля, сквозь дрожащий жар пыльных равнин, далеко-далеко в сторону недостижимого горизонта.

Где-то за плоскими безликими равнинами лежали горы высокой страны – земли невообразимо высоких скал и низких зеленеющих равнин, грохочущих водопадов и кристально чистых озёр; земли, где зимы сурово холодны, а летом стоит испепеляющая жара, где льют проливные дожди и бушуют пыльные бури; земли, где столько дорогих металлов и бесценных камней. И змеев.

Глаза Мики вспыхнули. Змеи!

Он никогда не видел их здесь, в долинах, хотя немало слышал о них. Многие уходили в высокую страну, и каждый из немногих возвратившихся приносил с собой сокровища – богатства вернувшихся, – и рассказы о странных, жутких существах, которых он там повстречал...

– Мика!

Мика вздрогнул от взревевшего у него над ухом голоса, и тяжёлая оплеуха, которая последовала за криком, с такой силой пришлась по его голове сбоку, что парня отбросило от плуга, и он растянулся во свежевскопанной грязи. Мика поднял глаза.

– Я тебя предупреждал? – резко спросил Калёб, его брат; его лицо пылало, на шее вздулись вены. – Разве я не говорил, что линия должна быть прямой?

Мика сглотнул и кивнул.

– Говорил, – покорно ответил он.

– И вот что ты натворил, – ревел Калёб; он указывал на борозду, которую вскопал Мика, и его рука рисовала в воздухе волны, напоминая движения плывущей рыбы. – Я не позволю тебе всё тут портить, парень. Понял? Хозяин велел мне хорошо вспахать поля, – он кивнул в сторону. – А это – не хорошо, – сказал он, целясь грязным ботинком в грудь Мики. – Держу пари, ты слишком занят мечтами о хозяйской дочке, – усмехнулся он. – Клянусь, одна её улыбка – и ты такой же влюблённый, как упёртый осёл, и почти такой же бесполезный!

Калёб схватил Мику за волосы и грубо поднял его на ноги.

– А теперь за работу!

Мика снова встал между изогнутыми рукоятками плуга и с новой решимостью схватился за них. Вол обернулся и смерил его печальным взором карих глаз. Мика дёрнул поводья,

вол отвернулся от него и побрёл вперёд.

На сей раз Мика старался смотреть только на линию между виляющим задом животного и его массивными рогами, и следил, чтобы борозда, которую он прокладывает, оставалась прямой. Он пытался очистить свой разум от мыслей – и думать только о вспашке.

Но ничего не получалось. Благодаря Калебу всё, о чём мог думать Мика, – это была Серафита, дочь хозяина.

Глава третья

– Назад дороги нет, – выдохнул Мика.

Глотая обжигающий воздух, он цеплялся за отвесную скалу забинтованными руками. Пот струился по его скулам и капал на камень, оставляя тёмно-серые лужицы, которые испарялись и исчезали за считанные мгновения. Где-то внизу стихал стук и грохот камнепада, который он вызвал.

Даже не думай смотреть вниз, говорил он себе, – и тут же посмотрел. От подступившей тошноты и головокружения Мика застонал.

Один неверный шаг – и он полетит навстречу неминуемой гибели на зубчатых валунах далеко внизу. Обломок камня, чуть позже остальных набравший скорость, упал, и Мика успел досчитать до десяти, прежде чем раздался резкий треск, означавший его приземление.

Мика вытянул шею. Немногим выше серую породу сменяла коричневая. Он был уверен, что она гораздо надёжнее, чем та расслаивающаяся скала, за которую он цеплялся, – дряблая и вся в трещинах от ветра и солнца. Даже с такого расстояния коричневая скала казалась прочной, и, похоже, там были ниши, где можно остановиться и дать телу долгожданный отдых.

Только не спешить. По шажочку, твердил он себе. По чёртову шажочку...

Мика осторожно приподнялся и просунул кончики пальцев в узкую щель; затем, стараясь не делать резких движений, переставил сначала одну, затем другую ногу чуть вы-

ше. Дышал он с трудом. Его потускневшие глаза щурились. Ощущение было такое, будто он карабкается по разбитой черепице крутой покато́й крыши.

Он остановился, взялся за край своей шляпы и потянул её вперёд. Полоса желанной тени скользнула по лицу.

Изогнувшись, он потянулся к расщелине, за которую хотел ухватиться, – и закричал от ужаса и неожиданности, когда из этой самой расщелины высунулась рычащая голова бородатого камнезмея. Мика отнял дрожащую руку. Подошвы грозили соскользнуть. Камнезмей, размером не больше зайца, визжа, выскочил из укрытия и понёсся прочь, задрав хвост и расправив чешуйчатые крылья.

Внезапно всё вокруг пришло в хаотическое движение. Серая порода зашевелилась; повсюду вокруг скользили и падали плиты, большие и маленькие. Мика отчаянно хватался руками и ногами, пытаясь найти опору на ходящей ходуном скале. Он до крови ободрал кончики пальцев и порезал подбородок. Стук и грохот от стремительно падающих камней эхом разносился среди высоких горных утёсов.

В этот самый момент носком ботинка он нащупал трещину и просунул в неё ногу; от такой позы бедро пронзила боль, зато держался он, кажется, крепко. Он закрыл глаза, прижался щекой к горячей скале, поднял дрожащую руку над головой в надежде, что она защитит его от камней, которые проносились мимо него с дикой скоростью, и стал ждать. Когда камнепад наконец прекратился, Мика снова открыл глаза.

Он выгнул спину и поднял голову. Потрескавшаяся и переломанная порода обвалилась, обнажив слой, ещё не тронутый стихиями; он блестел, как свежая змеиная кожа. Он был грубее на ощупь, и когда Мика, наконец, набрался смелости, чтобы продолжить путь, взбираться по нему оказалось намного легче, чем по выветренной породе, на смену которой он пришёл. Однако восхождение всё равно давалось ему тяжело: нога болела, а ободранные пальцы оставляли кровавые следы везде, где касались породы; он с облегчением крякнул, преодолев последний отрезок скалы.

Теперь, когда он смог рассмотреть её поближе, коричневая порода не оправдала его ожиданий. Она была совсем не твёрдой, а пористой и рыхлой, однако выступавшие на ней прожилки белого гранита казались надёжными, хоть и скользкими, ступенями для его подошв. Мика карабкался, поднимая в воздух красноватую пыль. Он добрался до первой из неглубоких впадин, которые смог разглядеть, скользнул в неё, развернулся и уселся спиной к скале, свесив ноги над пропастью.

Мика нащупал флягу из телячьей кожи, которая висела у него на боку, зубами выдернул пробку, запрокинул голову и быстрым движением приставил горлышко к пересохшим губам. Вода, тёплая и с привкусом тушёного мяса, потекла ему в рот и тут же иссякла, вся до последней капли. Рука с флягой упала на колени, и на лице Мики застыло выражение покорности.

Ему нужно найти воду. Если он этого не сделает, он погибнет. Тут ни убавить, ни прибавить.

Он продолжил восхождение; его плащ превратился в лохмотья, а вспотевшие ступни горели огнём в жарких ботинках. С воем он преодолевал узкую расщелину в коричневой скале, стараясь доверять свой вес только гранитным жилам. Остановившись на мгновение, он вытер тыльной стороной перевязанной руки потрескавшиеся губы и обрадовался солёному привкусу, который ощутил на языке. Он вдохнул обжигающий воздух.

Вода. Ему нужна была вода.

Преодолев расщелину, он добрался до отвесной скалы. Под повязками пульсировали покрытые волдырями пальцы. Он тихонько подул на них, унимая боль, прежде чем просунуть их в узкую щель. Мика нащупал подходящий выступ примерно на высоте колена, оттолкнулся и поднялся. Пот, скопившийся в складке на лбу, заструился по лицу. Единственная капля пробежала по переносице, застыла на кончике носа и всё же упала. Он поймал её кончиком языка. Капля была такой же солёной, как пропитанные потом повязки.

Чего бы он не отдал сейчас за глоток прохладной чистой воды из колодца...

Со стоном Мика приподнялся над узким выступом скалы и застыл. Неподалёку звучал слабый, но отчётливый и похожий на звон шум воды, стекающей в бассейн. Он задрал голову и слушал; теперь, когда наконец появилась надежда

утолить жажду, он ощущал её острее, чем когда-либо.

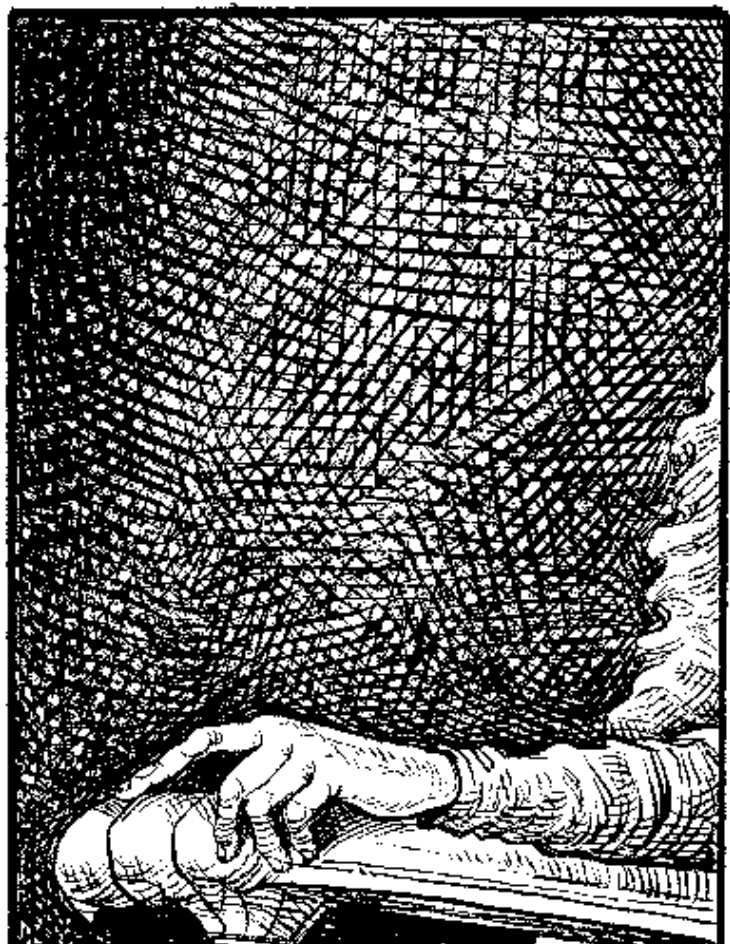
Звук доносился с дальнего конца выступа, где поверхность скалы была волнистой, как опущенная штора. Мика медленно двинулся в ту сторону, повернув голову и распластав руки по обжигающе горячему камню. Его ботинки скребли по выступу, обламывая осколки, которые со стуком падали и разбивались о скалу. Он добрался до расщелины в складках камня. Она была узкой, тёмной и прохладной; оттуда слышался дразнящий звук падающей воды.

Мика колебался; в глазах потемнело от тревоги, пока он вглядывался внутрь расщелины. Красная пыль, влажная от пота, резче выделяла линии, собравшиеся у него на лбу. Скулы и виски заныли от напряжения и нерешительности. Впереди текла и плескалась вода, сулившая избавление от жажды, но полная неизвестности чернота наполняла его страхом.

И всё же повернуть назад он не мог. Не сейчас, когда уже проделан такой путь.

Не в силах остановиться, Мика протиснулся в узкую расщелину и пошёл на шум воды. Чернильно-чёрная тьма окутала его.

Глава четвёртая

Три месяца назад его уже окутывала точно такая же чернильно-чёрная тьма.

– Замри, Мика, и прижми свои руки к бокам, чтоб я их видела.

Мика усмехнулся. Когда он вошёл в молотильню, две руки обхватили его сзади, а глаза накрыла повязка.

– Серафита? – сказал он. – Я угадал? Что за глупая затея?

– Я же сказала, опусти руки, фермер, – отрезала она.

Мика повиновался.

– Так-то лучше, – сказала она уже мягче. – Теперь не двигайся.

Он почувствовал, как она напряглась, потянувшись вверх, и как её локти слегка коснулись его лопаток, – ощущение, которое вызвало в его теле дрожь предвкушения. Она сильно дёрнула за повязку, резко оттянув его голову назад, затем прижала шёлк большим пальцем и накрепко связала оба конца.

– Как завязала? – спросила она, отступив назад.

– Крепко, – ответил он. – Так крепко, что я даже глаза не могу открыть.

– А тебе и не нужно открывать глаза, – говорила она, обходя его, и его голова поворачивалась вслед за звуком её голоса. – Ты ничего не должен увидеть, Мика. Для того, что сейчас будет, ты нужен мне слепым, как крот.

Мика сглотнул.

– А что сейчас будет, Серафита?

– Подожди, всё узнаешь, – произнесла она, едва скрывая смех.

Он почувствовал прикосновение рук девушки к своим. Её были прохладными и мягкими, а его – горячими, мозолистыми и липкими; подстриженные ногти Серафиты мягко впились в его грубые ладони. Он позволил себе отдаться её воле и пошёл, спотыкаясь, туда, куда она увлекала его.

– Скажи хотя бы, куда ты ведёшь меня, – сказал он.

– И испортить сюрприз?

Делая короткие осторожные шажки, он дал ей вывести себя на улицу, заметив, как солома под ногами сменилась неровными булыжниками, а пыльный воздух молотильни – резким запахом скотного двора.

Через некоторое время она снова заговорила:

– Почти пришли.

Он представил себе её лицо с высокими скулами, полные губы, чуть вздёрнутый нос. И эти глаза, такие тёмные при свете свечей, что зрачок и радужная оболочка, казалось, сливались в одно целое и превращались в два бездонных колодца черноты. Когда она радовалась, она откидывала назад свои длинные волосы, такие чёрные, что они казались синими, и хохотала, как бестия. Когда она злилась, она зачёсывала их вперёд, как блестящий занавес, через который она смотрела пронзительно-пристальным взглядом, одной рукой сминая ворот своего ярко-красного плаща возле шеи, другую сжимая в кулак...

– Что на тебе надето? – спросил он, удивлённый, что его мысли обретают голос.

Серафита усмехнулась. Она приблизилась к нему, лицом к лицу, и он почувствовал, как его щёки краснеют от её горячего пряного дыхания.

– А что ты хочешь, чтобы было на мне надето, Мика? – выдохнула она.

Мика взволнованно сглотнул.

– Я... Не... Ничего, я ничего...

– *Ничего*, Мика? – перебила она. – Очень дальновидно с твоей стороны...

– Нет, я не это имел в виду, – запротестовал он, и по его коже побежали мурашки. – Я просто хотел узнать...

– Не стою ли я перед тобой голая?

Когда он снова попытался возразить, она не дала ему произнести ни звука и сжала его ладони в своих – движение, от которого Мика почувствовал себя слабым, как новорождённый жеребёнок. Место, куда они пришли, было ему незнакомо. Там было прохладно и свежо, и он заметил, что звуки их шагов мягко отдаются эхом со всех сторон, будто они оказались во дворе-колодце.

Серафита отпустила одну из его ладоней и взяла Мику за локоть.

– Сделай шаг назад и садись, – сказала она, направляя его.

Его икры коснулись чего-то твёрдого, и он опустился на жёсткое кресло. У кресла была высокая спинка и прямые

подлокотники; Мика положил на них руки, и его ладони легли на гладкие резные медвежьи лапы. Серафита крепко сжала его предплечья; она наклонилась вперёд, и Мика задрожал, ощутив тепло её тела так близко к себе.

– Вот-вот начнётся процесс, – объявила она. Её дыхание было сладким и влажным.

– Процесс? – переспросил он. – Какой процесс?

– Сейчас увидишь, – сказала она. – Вернее, не увидишь, – добавила она и засмеялась. – Только не трогай повязку, Мика. Я не желаю, чтобы ты подглядывал.

Он кивнул. Она отстранилась. Её прикосновения оставили след на руках Мики, как отпечатки пальцев на оконном стекле.

– Не шевелись, – сказала она. – Сейчас я займусь тобой.

Мика сидел неподвижно, выпрямившись в кресле с высокой спинкой, и руки его казались такими же деревянными, как жёсткие подлокотники, за которые он держался. Он слышал приглушённое пение птиц и далёкий скрип плугов, обрабатывающих поля; где-то позади него плескалась вода. И когда он сделал вдох, то почувствовал в воздухе аромат цветущих роз.

– Открой рот.

– Нет, – пробормотал он сквозь стиснутые зубы. – Зачем?

– Просто открой рот, – ответила она с просящими нотками в голосе. – Поверь мне, – тут она сделала паузу. – Ты же доверяешь мне, Мика? Просто открой рот.

Он почувствовал, как что-то приблизилось к его губам.

– Что это? – спросил он. – Это что-то вкусное, Серафита?

Мне понравится?

– Ну почему, Мика! – вскричала она голосом, который ничего хорошего уже не сулил. – Клянусь, ты так же упрям, как выучный вол под седлом! А теперь слушай, и повторять я не буду: открой рот и держи язык за зубами – но не в прямом смысле! На время процесса твой язык, Мика, принадлежит мне.

Он чуть разомкнул губы, и о его нижние зубы звякнул гладкий металл. Это была просто ложка, но в ней что-то было, и на его лице отразилось недоверчивое ожидание.

– Ну? – спросила она радостно и медленно вытащила ложку у него изо рта.

Он нахмурился.

– Сладко, – сказал он.

– Сладко, – повторила она. – И всё?

Содержимое ложки обволакивало его язык.

– Это что-то густое и липкое... солодовый сироп?

– Солодовый сироп? – рассмеялась она. – Это намного лучше, Мика.

– Это вкусно, – сказал Мика и кивнул; пока сладкая вязкая жидкость растекалась по языку, его нос морщился от удовольствия. – Может, это мёд?

– Это и есть мёд! – воскликнула она. – Лучший мёд из отцовских ульев, подаётся только к главному столу – и только

по праздникам!

Мика кивнул.

– Похоже, я в жизни ничего вкуснее не пробовал.

Он почувствовал, как мягкий палец подхватил стёкшую ему на подбородок каплю мёда и вернул обратно в рот. Он старательно облизнул палец.

– Тебе понравилось, Мика?

– Да, – отозвался он. – Очень понравилось.

– Я же говорила, что ты можешь довериться мне.

– Я это знал, – сказал Мика. – Но, стыдно признаться, сомневался.

Он потянулся к повязке, но Серафита тут же схватила его за запястье.

– Процесс ещё не окончен, – засмеялась она, и Мика почувствовал, как кончики её волос коснулись его руки. – Ты думаешь, я бы готовила всё это так тщательно ради одной ложки мёда, каким бы он ни был прекрасным?

На этот раз Мика услышал звон стекла о стекло. Он открыл рот, не мешкая, и стал ждать.

– Осторожнее, а то так можешь и муху проглотить, – засмеялась она. – А теперь замри.

Он почувствовал, как его нижней губы коснулось стекло, и рот наполнился холодной жидкостью. Мика проглотил её.

– А-ах! – выдохнул он. – Серафита, этот процесс нравится мне всё больше.

– Что это было?

– Ликёр, конечно, – ответил он.

Но это был не просто какой-то ликёр. Единственный ликёр, который Мика пробовал в своей жизни, – домашнего разлива, горький на вкус – подавали в глиняных кувшинах в дальних углах таверн. Он жёг, как дьявол, и разрывал горло, как загнанная в угол дикая кошка. Ликёр, который дала ему Серафита, был мягким, бархатистым и ароматным; от него во рту сладко покалывало, а в груди разливалось приятное тепло.

– Из отцовского подвала, – сказала Серафита, и Мика уловил нотки ликёра в её дыхании. – Старше нас с тобой вместе взятых, хранится в сосуде из зелёного стекла с восковой печатью...

– Ты его украла?

– То, о чём отец не знает, его не расстраивает, – ответила она. – Настало время следующего испытания. Открывай рот.

Мика послушался и был вознаграждён прикосновением указательного и большого пальцев Серафиты к своим губам. Пальцы положили ему что-то на язык и исчезли. Мика закрыл рот.

«Какое новое удивительное наслаждение меня ожидает?» – думал он.

– Ну? – спросила она с нетерпением.

– Ну, – отозвался Мика, медленно катая предмет по языку. – Это какой-то фрукт?

Размером он был с виноградину, прохладный и гладкий.

Мика вдохнул и почувствовал едва угадывающийся запах скошенной травы.

– Разжуй, – сказала Серафита. – Смысла нет пытаться его рассосать, Мика. Нужно раскусить его зубами.

Так он и сделал, и из-под лопнувшей кожи прыснула кисловатая жидкость. Он ещё немного пожевал. Жёсткие семена попадали под язык и застревали между зубами. Это был овощ...

Спустя мгновение Мика ощутил взрыв жгучей боли. С криком отчаяния он согнулся пополам, выплюнул полуразжёванную кашицу и сорвал с глаз повязку.

– Чили, – выдохнул он.

Это был именно чили. Дешёвый жгуче-острый перец, которым приправляют подпорченное мясо, чтобы перебить тухлый вкус.

Раскаты хохота Серафиты эхом разносились по двору. Глаза Мики наполнились слезами, он сплёвывал и сплёвывал, но никак не мог избавиться от этого жжения. Хуже того, теперь пылали и губы, будто на них только что выжгли клеймо. Мика поднялся на ноги, жадно глотая прохладный воздух и пытаясь погасить огонь у себя во рту.

Он протёр глаза, из которых продолжали струиться слёзы, и огляделся. Серафита перестала смеяться и теперь пристально смотрела на него.

– *Зачем* ты это сделала, Серафита? – спросил он обиженным, хрипловатым голосом.

– Я... – Серафита замерла и опустила голову; сквозь вуаль чёрных волос был виден блеск её глаз.

И тут она вдруг оказалась рядом с ним, зарылась руками в его спутанные волосы и притянула лицо Мики к своему. Он почувствовал, как её губы прижимаются к его губам, разделяя его жгучую боль; как её язык касается его нижней губы и исследует его рот, успокаивая огонь от перца чили. Он закрыл глаза, и когда их языки соприкоснулись, бурное волнение охватило его. Всё его тело пронзил уже другой огонь, мучительный и нестерпимый, опьяняющий и ошеломляющий, болезненный и восхитительный. Мика хотел бы, чтобы это длилось вечно.

Это был его первый поцелуй.

Глава пятая

Откуда-то сверху доносилось журчание воды, соблазнительное, как пение сирен.

Мика повернулся и продолжил двигаться боком, но стенки расщелины сжимали его спину и грудь, как тиски, и он едва мог набрать воздуха в свои сдавленные лёгкие. С тошнотворным приступом ужаса Мика понял, что, если он не остановится, то может застрять и не выбраться.

«Назад», – твердил ему страх. «Вперёд», – молила жажда.

Задыхаясь, Мика пробирался вперёд, пока, с последним сухим царапающим рывком, не выбрался из туннеля и не оказался в просторной пещере. Он остановился перевести дух; сердце билось в груди, как птица в клетке.

Пещеру освещали слабые вспышки света, который проникал откуда-то сверху, со сводчатого потолка. Бесконечное число тысячелетий вода, должно быть, просачивалась сквозь скалу, расталкивая частицы известняка, который, перестраиваясь, создал целый лес из выбеленной породы; волнистые столбы, сетчатые ветви и прерывистые корни...

Но главное, там была вода, которой так жаждал Мика: она спиралью стекала по сверкающему белому сталактиту в самом центре пещеры и собиралась в огромном чернильно-чёрном бассейне. Наконец-то. Высохший язык царапал шершавые губы. Мика нащупал флягу у себя на боку и уже был готов броситься вперёд, когда его остановил неприятный скрипящий, хриплый звук – словно крыса скребётся в бочке.

Впереди что-то было.

Проклиная своё невезение последними словами, Мика отступил в тень, плотнее прижался спиной к шероховатому холодному камню и вытащил свой нож. Он не шевелился и едва дышал; по его шее стекал холодный пот. Сощурившись, Мика оглядывал тускло освещённую пещеру.

Сначала он увидел заострённую морду, затем лапу с загнутыми когтями, которые поблёскивали, показываясь из-за низкой гладкой насыпи известняка на дальней стороне тёмного бассейна. Морда резко дёрнулась вверх, и из неё рывком высунулся длинный язык, чёрный и раздвоенный. В следующую секунду со слабым хриплым кашлем показался бледный и низкорослый, не выше колена, пузатый змей.

Мика задержал дыхание.

Тусклые чешуйки, потрескавшиеся и уродливые, покрывали шкуру, которая складками свисала с костей змея, напоминая накиннутый не по размеру плащ. Лапы у него были хилые, крылья – сморщенные, череп – костлявый. Из ноздрей, покрытых струпьями, стекали струйки дыма, похожие на гной. На концах его лап – скрюченных передних и длинных, тонких задних – блестели жуткие изогнутые когти такого размера, будто принадлежали существу в десять раз крупнее.

Но что сильнее всего наполнило Мику ужасом, так это глаза существа. Они были огромными и белыми, как при катаракте, и вращались независимо друг от друга в своих испещ-

рѣнных коростой впадинах.

Мика тщетно старался вдавиться ещё глубже в скалу, будто бы надеясь, что тень поглотит его и заставит совсем исчезнуть. Однако он всё ещё слышал, как колотится его сердце; всё ещё чувствовал запах собственного страха.

И, судя по тому, с какой осторожностью змей высунул и втянул язык обратно, будто пробуя воздух, кажется, он тоже чувствовал.

Змей не спеша начал продвигаться вперёд, стуча своими когтями-кинжалами. Слюна блестящими нитями сочилась из уголков его рта и дрожала, свисая с подбородка. Он хрипел и кашлял; с каждым шагом его тощая шея то раздувалась, то сдувалась, пока он огибал край чернильно-чёрного бассейна и медленно, но неотвратимо приближался к тому месту, где стоял Мика, окутанный тенью.

Мика хотел развернуться и убежать, но понял, что было уже слишком поздно. Змей погнался бы за ним, и Мика совершенно не желал, чтобы тварь поймала его за пятки своими длинными когтями в узком чёрном туннеле. Придётся остаться и сражаться.

И вот белоглазый змей, ведомый своим то и дело мелькавшим языком, оказался уже на ближней стороне озера; он неумолимо приближался. Пересекая пол пещеры короткими шажками, змей втянул воздух, и в его дыхании Мика почувствовал кислый смрад мертвечины. Змей остановился, его костлявый череп склонился на одну сторону, будто существо

прислушивалось.

Мика сжал рукоятку своего ножа. Внезапно змей приподнялся на костлявых задних лапах. Жалобный вой, доносившийся из его разжатых челюстей, сменился пронзительным визгом, и он бросился в сторону Мики; прыжок...

Глава шестая

Девушка-змеерод легко наклонилась с одного бока белозмея и посмотрела вниз; длинное копьё, которое она держала, подрагивало в потоке воздуха. Далеко внизу одна на двоих вытянутая тень плавно скользила по серым плитам, чёрным трещинам и сверкающим водам широкого бирюзового озера, окаймлённого сияющими кристаллами соли.

Тёмные глаза змея вопросительно посмотрели на неё. Неровный шрам на его изогнутой шее чернел на фоне белой чешуи. Девушка посмотрела на него в ответ и кивнула.

Огромное белое создание слегка опустило свои крылья, сложило вдоль тела и нырнуло вниз. Девушка выпрямилась, подняла копьё обеими руками и положила себе на плечо. Когда они приблизились к чистой воде, змей расправил крылья и стал скользить чуть выше поверхности озера.

– Ровнее, Асиль. Я вижу их! – сказала девушка.

Голос у неё был низкий и ровный, хоть и немного скрипучий, поскольку она редко им пользовалась. Змей и девушка так сроднились, что слова им были не нужны. И сейчас она произнесла эти слова вслух, просто чтобы услышать звук собственного голоса и напомнить себе, что она всё ещё способна разговаривать.

Девушка прильнула к шее змея. Благодарная дрожь пробежала по его коже, когда они погрузились в рой гигантских стрекоз, паривших над самой поверхностью воды. Тела насекомых вспыхивали, как самоцветы, длинные хвосты переливались всеми оттенками синего; тонкие крылья, по четы-

ре у каждой стрекозы, издавали мерный гул в непрерывной вибрации.

Девушка крепче сжала бёдра, её мышцы напряглись под плотной шелковистой душекожей, в которую было затянуто её тело. Она наклонилась вперёд и перехватила копьё. С хрустом и треском девушка ловко насадила трёх стрекоз на наконечник своего копьё; белозмей тут же вынырнул из бреющего полёта и взмыл обратно в небо.

Девушка протянула копьё белозмею, и тот, выгнув шею, поедал хрустящее лакомство, пока остриё не стало чистым. Затем, накренившись и сгибая крылья, он описал круг в небе и опять устремился вниз.

И вот белозмей снова парил над озером, а девушка легко ловила стрекоз, порхавших над поверхностью воды. Девушка опять протянула насаженных на остриё насекомых белозмею, но на сей раз тот не стал их есть. Вместо этого из его раскрытой пасти с гортанным рёвом вырвалась струя белого пламени, которое охватило наконечник копьё. Крылья, панцири и лапки в мгновение ока превратились в пепел, и приятный аромат поджаренных стрекоз коснулся ноздрей девушки.

Когда они прожарились именно так, как ей нравилось, она потянула древко к себе и снова взяла копьё под мышку. Стягивая с острия куски жареного мяса, она с жадностью ела. А насытившись, слизала жир с пальцев и сжала пятками спину змея.

Существо в ответ взмахнуло своими огромными жёсткими крыльями и взлетело ещё выше, поворачивая на восток к узкому ущелью, которое насквозь прорезало внушительную стену гор перед ними. Девушка видела деревья, которые росли далеко внизу: их корявые корни цеплялись за голую скалу; слепые овраги, нависающие обрывы, обвалы и разрушенные склоны. В следующее мгновение змей накренился на один бок, его левое крыло опустилось, а правое поднялось; она сильнее сжала его ногами и прильнула всем телом, и оба они со свистом влетели в узкое ущелье.

Вертикальный грязно-коричневый отвесный склон пятном промелькнул мимо них. Спустя мгновение они вынырнули на свет по другую сторону отвесной каменной стены и продолжили парить высоко над горами, которые теперь растянулись под ними в зубчатом хаосе скребущих небо вершин и тёмных теней оврагов.

Положив руку на шею белозмея, она осматривала всё внизу привычным взглядом, отмечая длинные цепи рваных горных хребтов и одинокие вершины. Чёрная игла, сломанный хребет, белый столб и крапчатая скала...

Там, высоко на чёрной в крапинку скале, чуть ниже её зубренного пика сияла, словно драгоценный камень на бархатной подушке, точка красного света, окружённая клубящимся дымом. Девушка и змей плыли вниз по кругу, облетая крапчатую скалу. В гнезде из тёплого пепла на самой её вершине лежало яйцо белозмея, за которым они присматри-

вали. Оно ярко светилось и скоро должно было треснуть; детёныш, скрывавшийся внутри, уже проверял своё слабое огненное дыхание на внутренней поверхности скорлупы.

Белозмеи веками откладывали яйца на вершинах высоких зубчатых скал, уверенные, что там детёныши будут в безопасности, пока не придёт время вылупляться. Но всё изменилось с появлением двушкурых.

Вдруг оба содрогнулись, как от разряда невесть откуда взявшейся молнии. Белозмей в смятении взмахнул хвостом. Лицо девушки помрачнело.

Далеко внизу, среди тёмных теней у основания пика, брели двое мужчин с опущенными головами и сутулыми плечами. Они решительно пробирались вверх по пятнистому зубу скалы, медленно приближаясь к вершине. Оба были в капюшонах, в лосинах и тяжёлых сапогах из змеиной кожи; карманы просторных курток были до отказа набиты инструментами, необходимыми для их ремесла.

Белозмей издал долгий низкий стон. Девушка в ярости сжала копьё и натянула на голову капюшон, который прежде лежал у неё на плечах, а теперь укрыл лицо непроницаемой чернотой.

– Змееловы, – выдохнула она.

Глава седьмая

Внутри вспыхнул ужас, и Мика успел отпрянуть, когда змей рванулся вперёд и ударился головой о каменную стену за его спиной. В глазах заплясали искры. Слюна брызнула ему в лицо, и нос наполнил запах мертвечины, тёплый и такой мерзкий, что кишки в животе заворочались...

Мика поднял руки: в одной нож, вторая сжата в кулак. Прямо перед ним существо, казалось, зависло в воздухе вопреки всем законам природы. Чешуйки на шее змея сжимались и изгибались, из горла рвался высокий сдавленный крик; высунутый язык извивался. Он выпучил глаза и в следующую секунду рухнул на землю.

Когда змея отбросило назад, Мика заметил тонкий металлический ошейник-удавку, затянутый у него на шее и впившийся в тусклую чешую. От ошейника тянулась тонкая, как нитка, цепь.

Охваченное гневом и разочарованием существо бешено металось под ногами. Мика со всей силы ударил его сапогом по рычащей, истекающей слюной морде. Змей взвыл и начал отползать. Цепь ослабла, затем снова натянулась и сильно дёрнулась.

Хилый змей со сдавленным криком поднялся на лапы и замотал головой из стороны в сторону, пытаясь ослабить оковы на шее. Он пятился, из его ноздрей сочились струйки дыма. Цепь снова дёрнулась и потянула его назад; казалось, он выдохся.

Повернувшись к Мике спиной, змей удалялся прочь, со-

всем притихший, с поникшей головой и опущенными крыльями. Он направился к чёрному туннелю на дальней стороне озера, в глубине которого, казалось, терялась тонкая нить цепи, едва различимая в тусклом свете. Мика заметил перед собой на земле что-то белое и блестящее и наклонился.

Это был один из клыков змея, гладкий и полый внутри. Мика провёл игольчатым концом клыка по руке и поморщился. Тот оказался острым, как бритва, со следами крови и ошмётками плоти у корня.

Мика сглотнул, пытаясь увлажнить горло, но во рту всё пересохло. Он вложил нож в ножны и потянулся за флягой. На другой стороне озера змей растворился во тьме туннеля.

В пещере всё замерло. Тишину нарушал лишь звук воды, стекающей в чернильно-чёрный бассейн.

Мика поспешил вперёд. С хрустом ступая по белому гравию, он окинул взглядом тускло освещённую пещеру. У кромки воды он присел на корточки и сложил ладони ковшиком. Погрузил их в прохладную чистую воду и поднёс дрожащие руки к пересохшим губам; сделал глоток – и тут же выплюнул всё до последней капли.

На вкус вода была совершенно омерзительна. Затхлая, воющая, прогорклая; как будто в ней разлагалось что-то мёртвое.

Мика встал и начал растерянно осматриваться. Ему нужна была вода – но не такая, которая застаивалась здесь бог знает сколько времени и стала совсем непригодна для питья.

Его взгляд упал на огромный сталактит: по нему сбегала струйка воды, стекавшая в зловонное озеро. Он ступил в него, изо всех сил преодолевая рвоту. Вода затекла в ботинки, и они хлюпали при каждом шаге. Дно озера шло под уклон и было покрыто липкой, скользкой грязью; при каждом шаге приходилось балансировать, чтобы ноги не увязли. Когда Мика добрался до сталактита, вода была уже выше колен.

Он посмотрел вверх. Конец сталактита завис в паре метров над поверхностью озера. Струя воды сверкала, извиваясь в воздухе. Он протянул руки, и его костлявые пальцы сжались так крепко, что кожа на них побелела и стала похожа на воск. Мика с трудом набрал воды, поднёс к лицу и понюхал.

Вода просачивалась между пальцами. Поскорее, пока всё не утекло, он припал губами к перевязанным ладоням и выпил всё до капли.

Это была хорошая вода.

Он опять поднял руки и с нетерпением наблюдал, как вода медленно собирается в его ладонях. Но вот беда: казалось, вода утекала быстрее, чем набиралась. Он опустил руки, задрал голову, сделал шаг вперёд, и вода потекла ему прямо в рот. Он глотал и глотал. Вода проникала в него, охлаждая горящее нутро. Он никак не мог напиться и прерывался лишь на миг, когда утоляемую жажду сменял страх.

Его одолевали смутные дурные предчувствия; он напрягал слух и вглядывался в тени вокруг. Вода стекала в бас-

сейн. Круги разбегались по воде и исчезали. Мика не мог уйти; по крайней мере, не сейчас. Он отступил, стараясь не поскользнуться. Затем достал кожаную флягу, вытащил пробку и подставил горлышко под струю. Вода потекла внутрь.

Давай, – поторапливал её Мика, нервно оглядываясь во круг.

Когда вода полилась ему на запястье, он выровнял флягу, удерживая её точно под струёй. Затем потряс ею и, к своему огорчению, убедился, что воды набралось совсем мало.

Давай, давай...

Но вода была упрямее мула. Она не реагировала на понукания. Мика стоял как вкопанный и только водил глазами туда-сюда. Воздух казался хрупким. Тьма сгущалась. Тени как будто росли и напоззали, и, глядя на них, Мика никак не мог разуверить себя, что сверкающие осколки сланца и слюды – это вовсе не глаза кровожадных хищников, следящих за ним.

Давай же...

Фляга потяжелела; Мика изогнул руку, чтобы было сподручней, и теперь придерживал флягу локтем, как младенца. Ему было жарко и холодно одновременно. Тело содрогалось от напряжения; ноги немели.

Казалось, прошла целая вечность и ещё один день, прежде чем фляга наполнилась. Мика втиснул пробку на место, выбрался на берег и, расплескивая вонючую воду из своих ботинок, бросился к туннелю. Кожаный ремень под тяжестью

фляги больно врезался ему в плечо. Не то чтобы он роптал; он был счастлив: теперь у него была вода, в которой он так нуждался.

Мика вошёл в тоннель, и свет внезапно погас. От ботинок и штанов исходила отвратительная вонь. Вскоре каменные стены снова стали надвигаться с обеих сторон, и Мика перемещался боком, оберегая драгоценную флягу.

Воды хватило бы на несколько дней, расходуя он её экономнее. Предельно экономно. Он пошёл на крайний риск, углубившись в скалу, и ему повезло найти воду. Но в следующий раз, когда фляга опустеет, он так рисковать не станет. Он будет искать водопад или озеро, даже лужу, засиженную мухами, – что угодно, лишь бы не погружаться больше в темноту.

Когда он вылез из расщелины, в небе потрескивали и вспыхивали завитки белой молнии. Он продолжил своё восхождение. Отвратительный образ змея-лилипута снова встал у него перед глазами; его вращающиеся белые глаза, огромные когти, клыки и цепь...

Мика сглотнул, поражённый мыслью. Если там была цепь, то кто или что было на другом её конце?

Глава восьмая

«Пусть заберут кого-то другого, – мысленно молила Хеппи. – Кого угодно. Только не меня...»

Она не могла точно сказать, сколько их было там сейчас. Многие приходили и уходили. Она даже не узнала их имён.

Хеппи тревожно огляделась, пытаясь по стонам и приглушённым всхлипываниям, звучащим в темноте, представить лица. Но невозможно было ничего рассмотреть. Три – наверное, столько их там было. Или, может, четыре.

Внезапно раздался скребуший звук когтей и бряцанье металла по камню.

Она согнула ноги, опустила голову на колени, зажмурилась и зажала руками уши. Она ничего не хотела видеть. И тем более слышать.

Она продолжала прятать голову и тогда, когда со стонами и приглушённым хныканьем смешался звук леденящего рычания и пронзительный визг. И, ощутив горячее зловонное дыхание прямо возле себя, она вздрогнула и ещё крепче стиснула голову руками. В следующий миг она закричала: её руку сжало словно тисками.

– Кожа да кости...

Она вздрогнула. «Только не я. Кто угодно, только не я».

Глава девятая

Мика продолжал свой путь по острому гребню голой скалы; гора будто разваливалась, крутые неровные скалы, казалось, пытались упасть в разные стороны. Он сторбился, шляпа съехала, потрёпанный плащ хлопал на ветру. На боку у него висела пустая фляга. Воды из пещеры хватило на три дня: в то утро он сделал последний глоток и не представлял, где ему среди этой суши и пыли раздобыть ещё воды.

Он осторожно переместил дрожащие руки в сторону и попытался удержать равновесие: чем выше он забирался, тем неувереннее себя чувствовал на гладкой выветренной поверхности скалы.

– Чёрт побери! – выругался он, не попав ногой на уступ и пошатнувшись у самого края.

Слова эхом разнеслись в воздухе. Кричать было глупо, Мика это знал; он снова стал карабкаться к вершине хребта.

Подтянувшись на свисающей плите, он полез дальше; лохмотья плаща развевались с каждым взмахом его рук. Над далёким горным массивом взошло солнце. Два существа с рваными крыльями носились в небе друг за другом, громко крича. Но Мика их даже не заметил, всё его внимание сосредоточилось на торчавшем впереди камне. Там кончался горный хребет и начиналось плато.

Его лицо казалось лицом старика; пыль, въевшаяся в морщины и складки, походила на шрамы. От серо-белой грязи его волосы стояли колом, а одежда несла на себе следы тяжёлого восхождения и обдувавших её сухих пыльных ветров.

Покинув пещеру, Мика провёл первую ночь в небольшой нише в скале; он лежал там, свернувшись калачиком, пока небо рвали на куски неистовые раскаты грома и ослепляющие всполохи молнии. В этой нише он укрывался и весь следующий день, ожидая окончания бури, а затем всю ночь шёл вперёд в серебряном свете полной луны. Вечером третьего дня, когда его запасы воды и еды были уже на исходе, далёкое небо окрасилось в красный, и он заворожённо наблюдал, как оно вздымается, надвигается со страшным рёвом, напоминающим звук бешеной скачки. Поднялся пыльный вихрь, плотный и беспросветный, и Мике вновь пришлось отсиживаться в укрытии, пока всё не улеглось. Затем он снова вернулся на хребет и продолжил двигаться по нему к отдалённому плато.

Камни под ногами были как раскалённые угли; он добрался до глубокой расселины в плоской породе, незаметной издалека. Он замер и заглянул через край.

В некотором отдалении из глубокой трещины в скале вырывался тонкий, но бурный поток воды, который падал в бледно-зелёное озеро в просторном каменном бассейне внизу. Мика соскользнул с края скалы и скатился по крутым склонам расселины до самой кромки воды.

Вблизи окружённое горами озеро казалось огромным, с водопадом на другом конце, который был так далеко, что Мика едва мог слышать его торопливые вздохи. Среди разбросанных валунов то тут, то там торчали несуразные де-

ревья, по берегу росла сорная трава. Прямо перед ним из озера плоским фартуком выступала белая скала.

Мика кубарем скатился к её краю, упал на колени и, воздав хвалу, стал черпать воду ладонями, пока не утолил жажду. Напившись, он сбросил рюкзак, стянул с себя шляпу, плащ, куртку, ботинки и ступил в озеро. Гравий, устилавший дно озера, впивался ему в подошвы.

Он присел на корточки и поглядел на свои запястья, гладкие и болезненно-бледные в тех местах, где были покрытые пылью повязки, которые теперь смыла вода. Он опустил руки в воду и хорошенько вымыл их. Тонкие золотистые волосы блестели у него на предплечьях. Он снял свою ситцевую верхнюю рубашку и нижнюю сорочку, свернул их клубком и швырнул на берег. Потом он сбросил подтяжки; попеременно поднимая ноги, стянул с себя подштанники и отправил к остальной одежде.

Он медленно опустился на колени. Вода поднималась по его телу, такая приятно прохладная. Затем добралась до шеи. Наклоняясь вперёд, он намочил голову. Грязь стекала с водой. Он окунул голову полностью, принялся массировать кожу кончиками пальцев и растирать затылок; его волосы окружило молочно-белое облако. Он вынырнул, потёр уши, промыл глаза, а затем снова погрузил голову в воду.

Мало-помалу налёт грязи сходил, словно слой шелушащейся кожи. Пыль растворилась, и его волосы из серых снова стали тёмно-русыми.

Мика поднялся на ноги и пошёл к берегу, шлёпая по воде. Кучу одежды облепили мухи, а нос непроизвольно морщился от её кислого запаха. Он не мог заставить себя надеть всё это на такое чистое тело, поэтому как следует выстирал плащ, рубашку, жилет, штаны и остальное, а затем разложил сушиться. Потом он присел на корточки, залез в рюкзак и достал последнее из своих припасов.

Всего ничего – несколько драгоценных кусочков сушёных грибов да горсть чёрных корней козлобородника.

Он разложил их на плоском камне; набрал сухих веток из-под низкорослых деревьев, росших по берегам озера, сложил из небольших камней круглый очаг и положил внутрь ветки. Он вытащил из кармана куртки жестяную коробочку, где хранил паклю, отщипнул небольшой кусок волокна и положил в костёр для растопки. Из другого кармана он достал кремни, ударил их друг о друга, и на сухую древесину посыпались искры.

Мика дул, склонив голову и сложив руки, и по трещащим прутикам разбегались розовые и жёлтые языки пламени. Он сломал о колено бесцветную ветку и положил её в огонь. Тот обнял её с приветственным шипением и потрескиванием. Мика подбросил ещё дров и, удостоверившись, что огонь не потухнет, снова залез в рюкзак – за медным котелком, который держал на самом дне. Мика набрал в него воды и поставил на огонь. Затем, отряхнув грибы и нарезав чёрные корешки, он бросил скудную горсть припасов в воду.

Острый, мучительный голод корчился в его впалом животе, но ускорить готовку было никак нельзя. Корни нужно было проварить, чтобы они утратили резкий горький вкус и превратились в жидкую кашу, которая получалась хотя бы наполовину съедобной. Этого было мало – но больше у него ничего не осталось. Мика поймал своё отражение в неподвижной воде: он был измождён, худ, как палка, рёбра болезненно торчали из-под обтянувшей их кожи, – и тут он вдруг осознал, что умирает от голода.

Над озером пронеслось холодное дыхание воздуха. Солнце теряло свой жар. Внизу, в зелёной глубине озера, крупные рыбы сновали туда-сюда, поблёскивая, как состаренное золото. У Мики мучительно сводило живот, и он в голос проклинал себя за то, что не захватил ни рыболовной сети, ни копья. И вот он, ослабевший от голода, стоял возле озера, полного еды – только руку протяни.

Он услышал за спиной бульканье закипающей воды и уловил слабый запах размягчающихся корней козлородника. Ему придётся съесть этот водянистый суп в надежде, что завтра ему хватит сил обойти берег и раздобыть еды.

Мика взял небольшой камень и с досады швырнул его в озеро. Он наблюдал за рябью, расплывавшейся по спокойной воде, как вдруг всё в одночасье преобразилось. Озеро забурлило и вздыбилось, и из самого его центра поднялся огромный куполообразный бугор, который затем обрушился грохочущим каскадом белой воды: на поверхность вырвалась

голова чудовища.

Мика отшатнулся.

Огромная голова была широкой, с нависшими бровями и кожей, напоминавшей грубую кору; череп обрамляли два гребня из острых пластин, похожих на зубцы башни. Два огромных глаза с тяжёлыми веками венчали тонкую длинную морду, которая на конце сплющивалась в широкое плоское блюдо, будто клюв громадной утки.

Озёрный змей приподнялся выше, стала видна его чешуйчатая шея, толстая, как ствол вековой сосны, но при этом изогнутая, как вопросительный знак. Затем показалась спина шириной с амбар; к изогнутым плечам крепились короткие недоразвитые крылья. Существо раскачивалось из стороны в сторону, вокруг него поднималась и бурлила вода.

Глубокий скорбный рёв сотряс хрупкий воздух и отозвался эхом со всех концов озера. Огромный змей смотрел на Мику в упор. Усы, свисавшие из уголков его пасти, дрожали, с них стекала вода. Его огромный плоский клюв вздрогнул. Глаза под тяжёлыми веками сузились до тёмных прорезей.

Голый и беззащитный, Мика уставился на него, разинув рот.

Существо медленно приподнялось и опустило голову. Затем, глубоко вздохнув, оно скользнуло под воду, будто лезвием рассекли шёлк. Ещё мгновение его зубчатый гребень расчерчивал поверхность воды, но вскоре исчез и он.

Мика карабкался на скалу, спеша собрать вещи, но вдруг

под водой всё заходило ходуном, и на поверхность вырвался столб брызг. С резким грохочущим звуком озёрный змей выпрыгнул на поверхность и взлетел высоко в воздух, выгибая спину и корчась.

Он достиг высшей точки своего невероятного прыжка и снова устремился вниз; солнечный свет блестел на его отполированной чешуе. Он опустил голову, его тело упало в воду могучим ударом, а вслед за ним обрушился и его массивный хвост. И когда существо нырнуло, Мике показалось, что озеро наполовину вышло из берегов. Мощный гейзер поднялся в воздух и залил берег.

Мику окатило водой с ног до головы.

Когда всё успокоилось, он откинул мокрые волосы с лица и уставился на поверхность воды. Огромный змей скрылся так же внезапно, как и появился. Волнение прекратилось, и озеро снова было спокойным. Откуда-то поблизости доносилось судорожное шлёпанье; Мика посмотрел вниз и увидел крупную рыбу, бьющуюся на камне прямо у него под ногами.

Неподалёку лежала ещё одна, и третья прямо рядом с ней. Осмотревшись, Мика увидел, что берег усеян десятками рыб, которые извивались и корчились среди ила. Широкая улыбка расплзлась по его лицу, синевато-серые глаза сощурились.

Костёр шипел и сильно дымил под перевёрнутым котелком, поленья намокли, пламя почти погасло. Но Мике было всё равно. Огромный озёрный змей щедро одарил его. Он

наклонился и поднял крупную рыбу.

Сегодня, думал он, вертя в руках добычу, он отобедает по-царски.

Он не заметил тень, встрепенувшуюся далеко над озером, тень, которую отбрасывал огромный белозмей, паривший высоко в предвечернем небе. Белозмей и его наездник.

Глава десятая

Илай Винтер посмотрел вверх, его глаза сузились под тяжёлыми веками, а подбородок, обросший щетиной, серебрился в мерцающем свете. Перекинув тяжёлый рюкзак на другое плечо, он осматривал скалистый склон перед собой и линию горизонта вдали – грифельно-серую на ровном чёрном.

Наступившая ночь избавила от удушающего зноя. Скалы, покрытые редким кустарником, и каменистые осыпи остыли; изломанные стрелы молний с треском разрывали и расцветчивали тёмное небо.

Скалолаз вынул изо рта изжёванный корешок, рассмотрел его и снова взял в зубы.

В ту же минуту прерывистые всполохи молний у него над головой слились в одно блестящее покрывало, которое озарило небо и осветило расстилающийся вокруг безжизненный скалистый пейзаж. Чуть вдалеке на фоне белого неба чернела сложенная из камней хижина.

Выплюнув горьковатый корень, скалолаз криво усмехнулся, выпрямился и направился к каменному укрытию. Этой ночью он отлично выспится.

Он приблизился к хижине. Из отверстия в середине крыши не шёл дым, из щелей в стенах не просачивался свет, и это его очень обрадовало: общество ему было совершенно ни к чему.

Пригнув голову, он шагнул в дверной проём. Внутри в горячем воздухе пахло горелым, как будто здесь жгли перга-

мент, и, казалось, ощущался слабый запах ликёра. В очаге оставались потухшие угли, на каменном столе были разбросаны крошки, а у дальней стены валялась куча грязных одеял. Скалолаз снял рюкзак и положил его перед собой, отстегнул спальный мешок и разложил в одной из ниш. Потом отцепил лампу, приподнял колбу, зажёл спичку и поднёс к фитилю.

Хижина стала похожа на перевёрнутый горшок из серых теней и жёлтого свечения. Камни вокруг отверстия в крыше, служившего дымоходом, закоптились; сквозь него было видно, как молнии в беспорядочном ритме продолжали раскалывать чёрное небо.

Скалолаз по-турецки уселся на краю спального мешка, подтянул к себе рюкзак, расстегнул ремни, развязал узлы и открыл его.

Илай достал сложенную змеиную шкуру и разложил на коленях. Когда он поднял шкуру, его лицо расплылось в довольной улыбке. Гладкая, как металлическая, поверхность, покрытая патиной, отливала ртутью.

Отложив шкуру в сторону, Илай Винтер принялся рыться в рюкзаке. Он вынул глиняный сосуд, открыл пробку и заглянул внутрь.

Мускусный мешок туманозмея, гладкий и круглый, без единого повреждения, плавал в густом жёлтом масле. Воздух наполнил дурманящий аромат, сладковатый и пряный. Скалолаз втянул его носом и снова улыбнулся.

Внезапно в дальнем углу хижины кто-то слишком уж протяжно зевнул. Мужчина повернулся на звук, его удивление сменилось раздражением. Он утратил бдительность. Нахмурившись, он закрыл сосуд пробкой и завернул его в змеиную шкуру. Напротив него зашевелилась груда одеял. Скалолаз убрал шкуру в рюкзак и закрыл его.

– Так вот кто составит мне компанию этой тёмной беспокойной ночью, – прохрипел чей-то голос.

Скалолаз встал, поднял лампу перед собой и направился через хижину, жёлтый сноп света метался туда-сюда по затоптанному полу. В груде одеял, которые он не заметил, сидела фигура; она выпрямилась и шурилась на свет.

Это был мужчина, худой и давно не бритый. Его косматая борода и всклокоченные волосы сливались в один спутанный комок, похожий на гигантский одуванчик. Большие тёмные глаза были широко распахнуты, белки широкими полосами окаймляли радужную оболочку. Внезапно его губы растянулись в улыбке.

– Итак, – воскликнул он, – попутчик!

Голос у него был резкий и зычный. Мужчина вскочил на ноги и сбросил одеяла, которые обнажили поношенную рубашку и потрёпанные штаны из змеиной кожи, исписанные разными знаками и символами. На шее у него висело несколько ожерелий из змеиных зубов, нанизанных на кожаные ремешки. Он протянул Илаю грязную руку.

– Икабод, искатель правды, – представился он. – Камен-

ный пророк и провидец.

Скалолаза передёрнуло и от пронзительного голоса мужчины, и от его слов. Ему ещё не доводилось иметь дело с фанатиками. Он опустил лампу, но продолжал быть настороже. Он взял тонкую руку мужчины и на мгновение сжал её, затем отпустил, удивлённый тем, какой она оказалась горячей.

– Илай Винтер, – грубовато ответил он в своей привычной манере растягивать слова и слегка откашлялся. – Рад с вами познакомиться... каменный пророк.

Оба замолчали. Сухая гроза с молниями бушевала почти у них над головами. Сильный ветер вихрем обвивался вокруг хижины; камни сотрясались от раскатов грома. Молнии вспыхивали в небе и трещали, как разгорающиеся сухие поленья, наполняя каменную лачугу призрачным серебристо-синим светом.

Илай вздрогнул.

Икабод рассмеялся, вращая безумными глазами.

– Голоса предков, друг мой Илай, – объявил он. – Я слышу, как они зовут меня.

Он запрокинул голову и широко расставил руки, уставившись вверх через отверстие в крыше.

– Все мы – потерянные дети на этой земле, что не знает прощения... Надежды нет, пока мы не увидим свет!

Он озирался по сторонам, и тут Илай поймал себя на том, что не может оторваться от пристального взгляда Икабода, будто тот его завораживает. Каменный пророк подался впе-

рѣд и ослабился. Каждое его движение было нервным и порывистым, словно из какого-то странного, дѣрганого танца, и Илай заметил, что в ответ он и сам всё делает быстрее, не в своём привычном, неспешном темпе.

– Но я совсем забыл о манерах! – воскликнул Икабод. – Такая дикая ночь требует лекарства, не так ли?

Илай смотрел, как оборванец, крутанувшись на пятках, поспешил обратно к куче одеял и откопал в ней потёртую длинную куртку из змеиной кожи. Он засунул руки в рукава, потом в карманы. Когда он обернулся к Илаю, его ухмылка превратилась в самую широкую улыбку: в руке он вертел кожаную флягу.

– Зелѣный ликѣр, лучший во всей Змеиной пустоши, – объявил пророк.

Илай упѣр руки в бока, кривая ухмылка растянулась на его загорелом лице. Вот что за запах он почувствовал, когда вошёл в хижину.

– Прости, Икабод, но я не знал, что проповедники пьют дурманящие ликѣры.

Икабод склонил голову набок и уставился на флягу, сосредоточенно наморщив лоб. Он провѣл костлявым пальцем по её неровной поверхности, а затем поднял глаза на Илая, с улыбкой вытаскивая пробку.

– Ликѣр успокаивает мне нервы, – сказал он. – И заглушает голоса ночи вроде этой!

Он сделал долгий жадный глоток. Когда ликѣр попал в

горло, его лицо сморщилось, а ноги исполнили короткую джигу. Затем он резко обернулся вокруг своей оси и, сияя, протянул флягу Илаю.

– Присоединяйся, друг Илай.

Когда Илай Винтер взял флягу и понюхал открытое горлышко, по его лицу медленно расплзлась улыбка.

– Запах ничего, – сказал он.

– Как и вкус, – подтвердил Икабод, ободряюще кивая.

– Я, конечно, не очень-то привык к крепким напиткам, – сказал Илай. – Вернее, отвык. Кажется, они ударяют мне прямо в голову, – он снова улыбнулся прежней кривоватой улыбкой. – Но пахнет вкусно.

Подняв флягу повыше, он сделал основательный глоток, выдохнул и причмокнул. Затем глотнул ещё, и ещё – и качнулся назад, проливая при этом ликёр из горлышка фляги.

– Осторожно, друг Илай, – сказал Икабод; его лицо выражало преувеличенную заботу.

Илай улыбнулся и тяжело опустился на спальный мешок, расплескав ещё немного обжигающей жидкости. Что-то невнятно бормоча, он закрыл глаза и уронил голову на грудь.

Икабод сел на колени перед старым скалолазом и какое-то время внимательно его рассматривал. Затем он аккуратно вытащил флягу из его руки и воткнул на место пробку.

– Я же говорил, хорошая вещь, – сказал Икабод, пряча флягу в карман. – А теперь посмотрим, чего ты там наторговал...

Он повернулся на коленях и стал своими грязными переломанными ногтями развязывать кожаные ремни чужого рюкзака. Илай Винтер открыл глаза и выплюнул ликёр, который держал во рту, не глотая. Он схватил Икабода за руку.

– Довольно, проповедник.

Говорил он мягким и мурлыкающим голосом, но хватка, с которой он сжал запястье каменного пророка, заставила Икабода заверещать от боли. Каменный пророк дёрнул головой и ощутил прикосновение острого лезвия к своей шее.

– Не надо, не надо, не надо, – вскрикнул он, пытаясь отпрянуть.

– Одно движение, и я перережу тебе горло, – спокойно сказал Илай.

– Я не хотел обидеть тебя, друг Илай, – протестовал Икабод пронзительно-возмущённым голосом. – Я... я хотел посмотреть, вот и всё. Просто хотел узнать, что несёт с собой попутчик... Быть может, мы могли бы обменяться. Это всего лишь сделка, – он не переставал корчиться и извиваться. – Понимаешь? Обмен тем, что у нас есть...

– Обмен, – повторил Илай и фыркнул. – За кого ты меня принимаешь? Я, по-твоему, какой-то дурачок с равнин, у которого ещё молоко на губах не обсохло? Первый раз в горах? Тебе понадобится что-то по сильнее ликёра, чтобы одолеть меня, проповедник!

– Пощади, прошу! – пищал каменный пророк. – Сжался!

Илай стиснул челюсть Икабода рукой и крепче прижал

лезвие к его вытянутой жилистой шее. Можно было услышать запах страха, который сочился даже из пор каменного пророка.

Внезапно хижину сотряс мощный раскат грома, такой громкий и сильный, что Илай невольно дёрнулся. Икабод вскрикнул. Высоко над отверстием в крыше кроваво-красное небо побелело и раскололось на тысячу неровных осколков.

Изломанная молния с треском и шипением сорвалась с неба. Она раскаляла воздух и обжигала ветер, зигзагом, как кривой костлявый палец, спускаясь к отверстию в крыше хижины. Она коснулась поднятого вверх лица пророка и ударила в самую середину лба.

Илая Винтера отбросило в сторону.

Считанные секунды молния блестящей леской свисала с крыши хижины. Проповедник стоял, как пойманный ею на крючок, весь в облаке света от кончиков пальцев босых ног до нимба спутанных волос на голове. Его бешеные глаза были широко распахнуты, из застывшего рта стекала слюна, а тощее тело дёргалось в мучительном танце.

И тут молния оборвалась. Илай подумал, что Икабод вот-вот упадёт.

Но он не упал. Он остался стоять. Затем, под пристальным взглядом Илая Винтера, каменный пророк развернулся и рванул навстречу яростной буре, спотыкаясь, дымясь и вопя куда-то в небо.

Глава одиннадцатая

Ботинок Мики ударился обо что-то твёрдое. Он рухнул на землю, ударился запястьями; дыхание сбилось. Оглянулся назад, чтобы понять, обо что споткнулся, и тихо вскрикнул.

– О господи! – выдохнул он.

Это было мёртвое тело, лежавшее в тени одной из высоченных скал. Падальщики ещё не добрались до него: у трупа ещё оставались глаза.

Мика присел на корточки, потянулся вперёд и пальцами прикрыл ему веки. От прикосновения к влажной коже Мика вздрогнул и, усевшись на землю, принялся тереть ладони друг о друга, будто пытаясь избавиться от неприятного ощущения.

Мика вытянул шею и огляделся. Он оказался у основания зубчатой скалы из тёмной, прочной кристаллической породы, пёстрой от белых вкраплений, каждое размером с кулак.

Мертвец был одет в тяжёлую одежду. Широкий капюшон, серые кожаные сапоги, узкие брюки с подкладкой и просторная куртка: в её карманах было полно верёвок и проволоки; из одного торчал нож-шкуродёр с резной ручкой и зубчатым лезвием.

Мика заметил тусклое бурое пятно на передней стороне куртки мертвеца. Он потянулся вперёд, дрожащими пальцами расстегнул костяные застёжки и откинул полу куртки.

И тут у него перехватило дыхание.

По рубашке расплзлось огромное пятно крови, высохшее и коричневое по краям, но всё ещё алое и глянцевое в

центре. Кровь вытекала из тёмной раны посередине груди, нанесённой чем-то тонким и острым, как копьё или пика.

Мика поднял глаза. И увидел ещё один труп.

Он был переброшен через торчащий выступ скалы прямо над Микой. Одна рука свисала, её ладонь тянулась, будто прося чего-то, а запрокинутая голова болталась, уставившись на него невидящим взглядом. Рот с тонкими губами застыл в беззвучном крике.

Глубокая рана зияла у него в груди, как и у того, что лежал на земле; но внимание Мики привлекла изящная подзорная труба, свисавшая с цепи на шее мертвеца.

Мика встал, приподнялся на носках и схватил подзорную трубу. Он легко стянул цепь. Тело дёрнулось, невидящие глаза мертвеца, казалось, сверлили его взглядом. Мика уже вешал себе на шею цепь с подзорной трубой, когда на него обрушился удар...

Чудовищной силы удар в грудь отбросил его назад. Рухнув, он лежал, не способный даже вдохнуть. Затем, преодолевая нестерпимую боль, пронзавшую тело, он перевернулся и вперился в сгущающуюся тьму округлившимися от ужаса глазами.

Мика достал свой нож.

Уже стемнело, спускался туман, вязкий и серно-кислый. Вскрикивая от боли, Мика неловко поднялся на ноги, его грудь горела адским пламенем. Он осторожно дотронулся до того места, где болело. Кончиками пальцев Мика нащупал

дыру в своей кожаной куртке и что-то липкое, тягучее.

Это была кровь, его кровь.

В эту самую минуту дикий пронзительный визг эхом пронёсся между скалами. Подняв вихрь движения и разгоняя потоки спёртого воздуха, перед ним из тумана появилась гигантская угловатая фигура. Мелькнули неясные очертания острых когтей, на секунду Мика поймал на себе взгляд сверкающих глаз, и спустя мгновение огонь обжёг его кожу и опалил волосы.

Изо всех сил прижав ладонь к ране, Мика побежал. Воздух был неподвижен, и он не слышал ничего, кроме звука собственных шагов.

Что бы это ни было, теперь оно возвращалось. Потоки воздуха проносились мимо, бешено кружась, дёргая за плащ и норовя сорвать шляпу, и он почувствовал, как что-то ударилось о рюкзак на его спине.

Он оглянулся. Ужасающего вида копьё целилось ему в голову. Он успел увернуться, и оно отскочило от его плеча.

Он пробирался через запутанный лабиринт ущелий, пригибаясь и то и дело приседая. Рука была липкой от крови, которая сочилась сквозь пальцы. Он уворачивался от падающих камней и валунов, спотыкался о насыпи; в голове всё плыло, ноги слабели.

Кровь капала на камни. Дышать становилось всё труднее.

Он всё бежал и бежал. Вот уже высокие зубчатые скалы остались далеко позади; вот уже и то, что преследовало его,

перестало за ним гнаться; вот уже и ночь накрыла его вязким туманом. А он продолжал бежать.

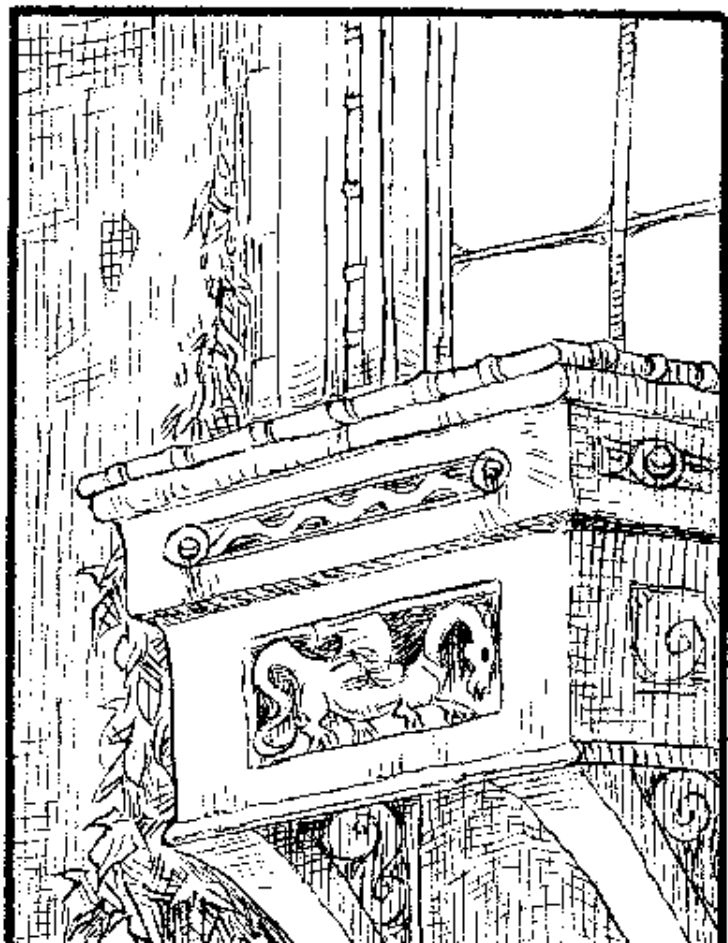
Силы покидали его, ноги отяжелели и при каждом шаге грозили подкоситься. Он с трудом сглатывал, хватая ртом воздух; боль в груди усиливалась, будто в его плоть всё глубже ввинчивали острый клинок. Мика рухнул, затем снова заставил себя подняться на ноги. Он еле-еле плёлся вперёд.

И тут он увидел его прямо перед собой: жёлтый свет в густом воздухе, будто сами камни были в огне. Секунду он колебался, но затем, шатаясь, направился к нему.

Тонкая струйка крови стекала на камни, по которым он ступал. Каждый раз, как он останавливался, кровь собиралась в маленькие лужицы; одна из них осталась у дверного проёма, через который он ввалился внутрь.

Он упал на колени и зажал обеими руками обильно кровоточащую рану, с трудом пытаясь отдышаться. Боль и тошнота накрывали его волнами. Голова кружилась, мерцающий свет и тени сливались в одно пятно. С тихим сдавленным стоном Мика провалился в небытие.

Глава двенадцатая

Мике снилось, что он снова там, в имении. Три месяца назад...

Гомон разгорячённых ликёром голосов разбудил Мику в его укрытии за бочками с дождевой водой в дальнем углу двора. Наступила ночь. Гости расходились, а окна балкона Серафиты были залиты золотистым светом ламп.

Он с трудом поднялся на ноги и подождал, пока голоса не стихнут, а затем прокрался через двор и оказался прямо под её балконом. Он задрал голову, приложил ладони ко рту и заухал, как сова. Её окна оставались закрытыми. Он снова ухнул, и его сердце бешено забилося: в проёме открывшегося окна появилась Серафита.

– Мика, – прошептала она. – Это ты?

Она оперлась на перила и посмотрела вниз. Их глаза встретились. Она нахмурилась.

– Я не думала, что ты придёшь.

– Прости, Серафита, – он в смущении шаркал ногами. – Но я ждал, когда разойдутся гости. У меня кое-что есть для тебя – к твоему первому празднику...

– Ну и? – спросила она. – Так и останешься там на всю ночь, болтаться одиноким петухом, или поднимешься поздравить меня как следует?

Мика забрался по шпалерам, которые расчерчивали стены дома, и вскарабкался на балкон. Серафита взяла его за руки и провела через открытые двери напрямиком в свою спальню. Губы Мики растянулись в улыбке.

– Ты сегодня замечательно выглядишь, – сказал он.

Серафита отпустила его ладони и отступила на шаг. Она расстегнула серебряный зажим и распустила волосы. Затем подмигнула и покружилась перед ним. Её платье с изящной вышивкой переливалось, развеваясь, и Мике ужасно хотелось обнять её за тонкую талию.

– Отец специально его заказал, – сказала она. – К моему первому празднику.

Мика расстегнул куртку и вытащил свёрток, который прятал на груди. Он осторожно развернул ткань и достал вырезанную из букового дерева фигурку лошади на полном скаку, с развевающейся гривой и раздутыми ноздрями.

Это был Пешнег, конь Серафиты.

– Это... к твоему празднику, – запинаясь, сказал Мика.

Серафита приняла подарок, едва взглянув на него.

– О, Мика, – сказала она и небрежно положила резную поделку на туалетный столик. – Это так мило.

Мика посмотрел на фигурку – над которой он трудился столько ночей, стирая в кровь посиневшие от холода пальцы; за которую его избил Калёб, когда увидел, что Мика израсходовал на неё хорошее льняное масло; которая, он надеялся, даст понять Серафите, как он её любит и как она ему дорога...

Он с грустью смотрел на свою работу. Она оказалась ненужной. Грубой и безжизненной.

Рядом с ней лежала брошь, сделанная из филигранного

золота, усыпанная по краям драгоценными камнями, а в центре на изысканном чёрном камне красовался силуэт лошади, вставшей на дыбы. Очень тонкая, совершенная работа...

– Будешь стоять там и глазеть всю ночь, деревенщина? – спросила Серафита.

Она притянула его к своему тёплому телу и увлекла к кровати...

Глава тринадцатая

Мика открыл глаза, силясь понять, где он. Он попытался привстать, но у него перехватило дыхание от резкой боли. Подняв руку, он нащупал повязку, сдавившую ему грудь и мешавшую дышать.

Человек в выдавшей виды одежде сидел за каменным столом посередине каменной хижины и пристально изучал Мика. Увидев, что тот очнулся, он встал и подошёл к нему. Наклонившись, он протянул Мике кожаную флягу.

Мика приподнялся и сел, хрипло постанывая от боли. Взял флягу, обтёр её горлышко и сделал глоток.

Ликёр. Крепкий, резковатый и разгорающийся огнём в горле и груди. Мика вернул флягу мужчине.

– Ещё немного?

Мика облизнул губы. Ликёр был хорош. Мика поднял глаза на мужчину, предлагавшего ему флягу. Его бледно-голубые глаза смотрели равнодушно. Мужчина языком переместил кусок жёваного корня из одного уголка рта в другой.

– Ну?

– Вы уверены?

– Я не стал бы предлагать, если б не хотел поделиться, – выдавил он, взбалтывая содержимое фляги. – Будешь, не будешь – мне всё одно.

Мика потянулся за флягой, снова протёр горлышко ладонью и сделал глоток, а затем протяжно выдохнул, выражая одобрение.

По качеству напиток был чем-то средним между грубым

самогоном с фермы и мягким ароматным ликёром, который он однажды пробовал, – из зелёного сосуда со сломанной восковой печатью. Он немного обжёг язык, но зато глаза после него не слезились, и Мика с удовольствием ощутил тепло, которое ликёр разливал по его телу. Мика вытер губы тыльной стороной ладони.

– Понравилось?

– Очень, – сказал Мика.

Он вернул флягу мужчине, тот поднёс её к губам и сделал глоток. Затем свёл брови, прищурился и наклонился чуть вперёд.

– А знаешь что, – сказал он медленно. – Ты ведь не хотел этого делать.

Мика был озадачен.

– Делать что?

Мужчина провёл ладонью по горлышку фляги.

– Вот это, – сказал он. – Некоторые люди расценили бы это как неуважение.

– Неуважение? – Мика почувствовал, как волосы на голове зашевелились; во рту пересохло.

– Неуважение в том, что, прежде чем выпить, тебе нужно протереть флягу, сделать её чистой, – немигающий взгляд мужчины стал твёрже. – Чистой, понимаешь? Выходит, что до тебя она была грязной... что я грязный.

Мика шумно вдохнул.

– Я... я вовсе не хотел... – он сглотнул. – Я не хотел оби-

деть вас, сэр, или проявить неуважение.

Лицо мужчины смягчилось, его бесцветные глаза снова заблестели.

– Понимаю, сынок, ты не хотел. Но такие вещи лучше знать. В Змеиной пустоши легко нажать себе врагов, и хоть я, в общем-то, не создан для компании, вынужден признать: бывали времена, когда мне приходилось собирать всю доброжелательность, на которую я способен.

Мика кивнул. И когда мужчина в третий раз предложил ему флягу, он взял её, поднёс прямо ко рту, быстро глотнул и вернул мужчине.

– Илай Винтер, – сказал тот, протягивая руку.

Мика крепко пожал её.

– Я Мика, – поспешил ответить он и улыбнулся; на его лице читалась смесь радости и облегчения. – И мне очень приятно познакомиться с вами, Илай, – добавил он. – Если я могу вас так называть, сэр?

– Можешь, сынок, раз это моё имя, – ответил Илай. – И раз уж мы вместе выпили флягу зелёного ликёра. Как твоя рана? – спросил он, хмурясь.

Мика опустил голову и осторожно потрогал повязку кончиками пальцев.

– Кажется, немного лучше, – сказал он.

– Может, это из-за ликёра, – холодно буркнул Илай.

– Хочу поблагодарить вас за заботу, – сказал Мика. – Я в долгу перед вами за вашу доброту.

– Пустяки, – бросил Илай, вставая. – Не стоит благодарности.

Мика наблюдал за Илаем: тот направился к центру хижины, подбросил поленьев в огонь, что-то помешал в котле, что-то перевернул в сковороде, и в ней зашипело. Он принёс мятую металлическую тарелку, полную копчёной рыбы с зеленью, и протянул её Мике. Еда была хороша на вкус, но аппетита у Мики совсем не было.

– Вы первый, кого я встретил за несколько недель, – сказал он Илаю. – По крайней мере, первый живой, – добавил он.

Илай кивнул.

– Змеиная пустошь – суровое место, спору нет.

Мика набрал полный рот рыбы, прожевал и проглотил.

– Первый, кого я видел, умер от жажды, – сказал он. – А двое других... Не могу точно сказать, что с ними приключилось, но судя по их ранам, они умерли не своей смертью...

Он прочистил горло, подавив поднимающийся кашель, и отставил тарелку в сторону. Илай сдвинул брови и внимательно, с прищуром посмотрел на Мику.

– Глубокие раны? – спросил он. – Как от пики или от копья?

Мика кивнул.

– Откуда вы знаете?

– У тебя такие же.

Кашель снова подступил, и на сей раз подавить его не удалось; с ним пришла острая колющая боль. Мика застонал

и прижал руку к повязке. От кашля в груди будто прокручивали острое лезвие, на глазах выступили слёзы, и на покрасневшем лице застыла гримаса боли. Илай передал ему флягу с ликёром, Мика опрокинул её себе в рот и с благодарностью глотнул.

– Беспокоит, так ведь? – спросил Илай, кивая на грудь Мики.

– Всё... всё в порядке, – ответил Мика, задыхаясь; но, отняв руку от повязки, обнаружил, что пальцы у него липкие от крови.

Мика снова закашлялся и сплюнул: в слюне тоже была кровь. Пятно тёмно-красного цвета расплзлось по повязке.

Илай покачал головой.

– Я надеялся, что смог остановить кровотечение, но раны вроде твоей требуют более серьёзных навыков, чем мои. Я змеелов. Зарабатываю на жизнь, торгуя змеиными шкурами и обмениваясь тем-сем. Я вовсе не лекарь.

Тут он заметил ужас, отразившийся на лице Мики.

– Но ты не вешай нос, парень. Я знаю кое-кого, кто может помочь.

Мика сжал губы, пытаясь не закашляться.

– Хотя тебе придётся собраться с духом, чтобы отважиться на такое жестокое лечение, – глаза Илая расширились. – Вылечить рану, которая мучает тебя, может только тот, кто нанёс её.

Мика сглотнул.

– Кто... кто это?

Илай забрал не вытертую флягу.

– Змеерод, – ответил он.

Глава четырнадцатая

Змеерод.

Мика и раньше слышал это слово. Там, на равнине, три месяца назад, на многолюдной площади в день ярмарки...

– Я змеерод, – объявила женщина.

Она сняла капюшон и показала толпе лицо, покрытое толстым слоем грима и обрамлённое бесцветными белёсыми волосами. Под ярко намалёванными чёрными бровями её глубоко и слишком близко посаженные глаза хитро поблёскивали.

– Я прошла неблизкий путь из далёкой высокой страны...

Толпа охнула.

– Из суровой и пустынной дикой местности, что зовётся Змеиной пустошью...

Толпа ахнула.

– И к вашему восторгу и удовольствию я привела настоящее, живое существо, какое мало кто из вас видел здесь, в плодородных землях равнин.

Толпа взорвалась воплями и вздохами, люди возбуждённо переговаривались и расталкивали друг друга локтями, пытаясь подобраться поближе.

– Покажите нам! – выкрикнул кто-то.

– Да, мы хотим видеть!

Какой-то пьяный фермер с горящими глазами неожиданно бросился вперёд, наклонился к лоскутному покрывалу, под которым было спрятано существо, и потянулся, чтобы отвязать его. Он обернулся и подмигнул толпе, подбадривав-

шей его криками. Но в следующую секунду из-под покрывала раздался сдавленный рёв; резкое движение – и мужчину отбросило в сторону.

Женщина хитро улыбнулась.

– Чудовище дикое, с норовом, – сообщила она. – Но я – змеерод и умею справляться с этим диковинным существом.

Толпа замерла в ожидании. Женщина подняла цепь высоко над головой и жестом указала на скрытое под покрывалом чудовище.

– За разумную плату я применю всё своё мастерство и покажу вам это существо.

Люди полезли в карманы, зазвенели монетами, кто-то бросил горсть медяков к её ногам. Женщина с презрением взглянула на них.

– Похоже, меня ввели в заблуждение относительно вашей щедрости, – сказала она. – Пожалуй, мне пора...

– Двадцать пять дукатов! – раздался голос с балкона хозьяйского дома. – Именно столько я готов предложить вам, чтобы вы показали нам змея.

Женщина усмехнулась.

– Вам очень повезло, сэр, – сказала она, когда все взоры устремились сначала в сторону балкона, а затем обратно на неё. – Потому что двадцать пять дукатов – это именно та плата, которая меня устроит.

Толпа одобрительно загудела, выражая благодарность красивому молодому человеку, который бросил с балкона

мешочек с деньгами. Женщина положила его в карман и присела на корточки возле зверя. Она развязала верёвку, которой покрывало было привязано к передним лапам животного, затем переместилась и освободила задние лапы. Напряжение в толпе росло; женщина сделала шаг вперёд, пальцами прихватила покрывало в середине и чуть приподняла.

– Смотрите! – закричала она и резким движением сдёрнула покрывало.

На мгновение воцарилась тишина. Затем площадь разразилась воплями и криками; люди визжали от восторга и выли от страха.

Мика ахнул. Он никогда раньше не видел ничего подобного. У змея были широкие крылья, которыми он теперь, освободившись от покрывала, хлопал; его пятнистая кожа переливалась в свете фонарей. Его когти казались острыми, как бритва, и когда он открыл покрытую волдырями пасть, все увидели ряды пожелтевших зубов, которыми, наверно, можно было перемолоть целое стадо волов за считанные секунды. В шею ему впился ошейник-удавка, к которому крепилась цепь. Натянув капюшон, женщина к восторгу толпы продемонстрировала, как зверь кашляет и задыхается до изнеможения, когда она с силой дёргает за цепь.

Восхищённая её властью над змеем, толпа кричала, требуя продолжения. В ответ женщина взяла копьё, шагнула вперёд и кольнула им змея в бок. Его глаза, окаймлённые коркой засохшего гноя, закатились. Опираясь на хвост, он

поднялся на задние лапы, вытянул шею, раскрыл пасть, и из глубины его горла вырвалась струя огня, ярко засиявшая на фоне тёмного неба.

Потрясённая толпа ревела от восторга. Женщина резко дёрнула цепь, и змей, хрипя, отступил.

– Давай ещё! – закричал кто-то и запустил камнем змею в бок.

Он повернул голову и снова заревел. Пламя было куда менее впечатляющим и быстро иссякло. Змей хрипел и кашлял, из пасти вяло высовывался и исчезал раздвоенный язык.

– Ещё! Ещё!

В змея полетели камни, какие-то палки и даже неизвестно откуда взявшаяся кружка. Змей рыкнул, но совсем слабо, рухнул на все четыре лапы и уронил крылья. Мика во все глаза глядел, как тот поднял заднюю лапу и вяло почёсывал кровоточащую рану на боку, содрав при этом пару потрескавшихся чешуек, которые упали на землю.

По толпе побежал недовольный ропот. Женщина шагнула вперёд и резко вонзила копьё в одну из дымящихся ноздрей змея, он взвился, взревел и захлопал крыльями, от чего толпа разбушевалась ещё больше. Женщина натянула цепь, и змей сразу присмирел; он стал таким жалким, весь пугливо сжался: сопротивление его было сломлено. Он выглядел больным и тощим; его рёбра торчали из-под провисшей кожи.

Восторг, который Мика испытал, когда только увидел

змея, сменился ужасом. Огромный змей из свободных просторов высокой страны здесь, на жарких пыльных равнинах превратился в порабощённое замученное животное. Когда Мика посмотрел в налитые кровью глаза змея, его переполнило щемящее чувство жалости.

Отвернувшись, он стал рассматривать толпу восторженных лиц на балконе хозяйского дома, и его взгляд задержался на единственном знакомом. Он напрягся.

Это была Серафита.

Её волосы были собраны в высокую причёску, глаза сияли от восторга. На ней было переливающееся белое платье с глубоким вырезом, на тонкой шее красовалась белая меховая горжетка. Пожалуй, Мика ещё никогда не видел её такой красивой. Он заметил брошь из чёрного камня с каймой из драгоценных самоцветов, прикреплённую к лифу её платья.

Он видел, как полные губы Серафиты разомкнулись и как заблестели её белые зубы, когда она обрадовалась и закричала; она запрокинула голову и звонко расхохоталась. Как и все вокруг, она была в восторге от представления с измученным змеем.

На плечо Серафиты опустилась рука, и она обернулась. У Мики внутри всё сжалось: он понял, что она была с кавалером. Мика напряжённо сглотнул. Это был тот самый красивый молодой человек, который заплатил за отвратительное зрелище на площади.

Серафита притянула спутника к себе. Мика потерянно на-

блюдал снизу, из толпы, как эти двое слились в страстном поцелуе.

Глава пятнадцатая

– Змеерод, – прошептала женщина. – Это сделал змеерод.

Её голос был тихим и мягким, но пальцы с загнутыми ногтями заставили Мику вздрогнуть, когда она коснулась ими воспалённой раны на его груди. Она отодвинулась от него и вытянула руки перед собой, широко растопыбив пальцы, будто пытаясь остановить вставшего на дыбы жеребца; её ногти блестели, словно когти хищной птицы. Прищурившись, она пристально вглядывалась в его лицо.

Она была красива, полупрозрачная кожа женщины будто бы светилась изнутри. Её возраст выдавали борозды морщин на лбу и в уголках рта, но большие тёмно-зелёные глаза светились юностью и силой. Она откинула назад длинные прямые серебристые волосы и приблизилась к нему, лицом к лицу. Её дыхание отдавало мокрым илом.

– Ты собиратель яиц? – спросила она с укором.

Мика и Илай покинули хижину сразу, как рассвело...

Мика обессилел, его мучила боль. Он с трудом преодолел скалистый подъём; горные вершины, словно зубцы короны, окружали путников со всех сторон и сердито глядели на них. Солнце на угрюмом небе нещадно палило; каменная осыпь скользила у Мики под подошвами, и не раз, когда он хватался за плечо Илая, скалолазу приходилось подхватывать его и снова ставить на ноги.

– Далеко ещё? – спросил он, прижимая руку к пульсирующей ране.

– Меньше, чем мы уже прошли.

Илай каждый раз отвечал одинаково, но Мика упорно продолжал спрашивать.

Солнце одолело половину своего ежедневного пути по небу, когда Мика увидел тёмную линию, разрезающую открытое всем ветрам плато. Линия расширялась и оказалась трещиной в плоской скале, которая с каждым их шагом становилась шире и глубже, пока наконец они не приблизились к самому краю пропасти.

Папоротники и травы, кусты и деревья цеплялись за практически отвесную поверхность скалы вплоть до водоворота тумана, клубившегося в тёмных глубинах пропасти. Ближе к её сужающемуся краю подземный источник превращался в водопад и срывался вниз сверкающим каскадом. Змеи-рыболовы, косозмеи, скрежезмеи и стрекозмеи кружили над водопадом, ныряя за рыбой. А иногда и друг за другом...

– Некоторые называют такие места зелёными гаванями, – сказал Илай.

Они обогнули ущелье по краю и вышли на узкую тропу, ведущую в глубокую пропасть. Гигантские деревья, покрытые мхом и увитые лианами, боролись за место под солнцем с бледными, будто восковыми папоротниками и высокими хвойными деревьями: все они прорастали из затенённых трещин и тянулись к яркому небу.

Путники спускались по крутой тропе через лес в ущелье, Илай поддерживал Мику, который всю дорогу спотыкался и

оступался. Капли пота покрывали его лоб. Повязки пропитались кровью.

Как раз когда силы Мики совершенно иссякли, они добрались до огромного нависающего уступа отполированной ветром скалы, такой гладкой, что на ней не за что было ухватиться. Тропа сузилась, и продолжать путь им пришлось боком – Илай впереди, Мика чуть позади, вцепившись в руку Илая. Рёв падающей воды сотрясал воздух; Мика поднял голову и увидел прямо перед собой водопад.

Илай осторожно двигался вдоль уступа, мокрого и скользкого от разлетающихся брызг. Вдруг он скрылся за завесой воды, увлекая за собой Мику.

Мика огляделся затуманенным взором и понял, что за завесой воды скрывался вход в кишашую живностью пещеру. Здесь были змеи всех видов и мастей. В воздухе стоял специфический запах чешуи и гари от их огненного дыхания.

По стенам и потолку ползали крошечные полупрозрачные змеи с длинными хвостами и зубчатыми гребнями на шеях. Змеи покрупнее – белые, с обтрёпанными крыльями, коричневые и угловатые, с чешуёй красного, зелёного и горчишно-золотого цвета – бродили по каменному полу и сновали туда-сюда, скребя и постукивая когтями по камням. Другие, сложив крылья, сидели везде где можно – на поросших мхом каменных выступах, на неровных впадинах и на глиняных горшках, теснившихся в тёмных нишах.

Если кто-то посягал на чужую территорию, тут же вспы-

живала ссора; вопли и визг горохом отскакивали от стен пещеры. Однако за всем этим шумом Мика различил другой – хриплый, задыхающийся звук, рокочущий и сопящий: казалось, само пространство было живым и тяжело дышало. Мика решил, что звук исходит из темноты в дальнем конце пещеры.

Стройная женщина в серебристо-серых одеждах бесшумно появилась из темноты и подняла руки в торжественном приветствии. Она приближалась; её лицо со впалыми щеками и худое, как жердь, тело с каждым её шагом будто становились старше. Но возраст ничуть не убавлял её красоты. Глаза были неистово-свирепы, а в грациозно-пронзительной походке было что-то хищное. И всё же, когда она посмотрела на скалолаза, выражение её лица стало мягче.

– Прошло немало времени с нашей последней встречи, Илай Винтер, – произнесла она тихим голосом, надтреснутым и чуть подрагивающим от долгого молчания.

Она перевела свой немигающий взгляд с Илая на Мика, и тот почувствовал, как по его спине побежала ледяная дрожь...

– Ты собиратель яиц? – повторила женщина, её хрупкий голос звучал резко.

Мика отпрянул, когда её когти впились ему в щёки.

– Никакой он не собиратель, – прозвучал голос Илая.

Женщина слегка кивнула в знак согласия, однако Мика не

мог определить, поверила она или нет.

– По мне, так он просто зелёный искатель, оказавшийся не в то время не в том месте, – продолжал Илай, меряя шагами пещеру; потревоженные змеи разбегались от него в разные стороны, скребя когтями и хлопая крыльями.

Он встал рядом с женщиной, скрестив руки, и оба они посмотрели на сидящего на камне Мику.

– Он ввалился в хижину, где я укрывался, в стране высоких скал... Джура, ему нужно помочь.

Женщина сделала резкий вдох, и воздух засвистел между её острыми зубами.

– Ты собиратель яиц? – снова спросила она.

У Мики в голове гудело.

– Собиратель яиц? – повторил он и, повернувшись, вопросительно посмотрел на Илая.

– Я ж говорил тебе, Джура, – мягко сказал скалолаз. – Он искатель из равнин и ни черта не знает о жизни здесь, в Змеиной пустоши.

– Не шевелись, – прошипела она.

Она сдвинула голову Мики своими костлявыми пальцами, царапая его ногтями. Мика замер, его сердце стучало, словно град по плоской крыше. Он почувствовал, как её большие пальцы двинулись по кругу, исследуя его пылающие щеки, нащупали глаза, закрыли ему веки и с силой вдавили глазные яблоки.

На ощупь её кожа была мягкой и маслянистой. Её волосы

касались его груди, мягкие, но колючие, с лёгким запахом серы.

Она сильнее нажала большими пальцами; в глазах Мики замелькали огни и стали растекаться красные пятна. Откуда-то из дальнего конца пещеры донёлся хриплый стон. Глаза сдавило ещё сильнее, и Мика испугался, что женщина хочет выдавить их совсем.

И тут она резко отняла руки.

– Я помогу, – объявила она и отстранилась.

Мика моргнул. Он всё ещё чувствовал, где именно её руки крепко держали и ощупывали его.

– Спасибо, – просто сказал он.

Джура фыркнула.

– Скоро тебе не захочется меня благодарить.

Она отвернулась, и Мика смотрел, как Джура уходит в дальний тёмный конец пещеры. Некоторые змеи ласково и преданно тёрлись о её ноги. Она исчезла в темноте, и до Мики донёлся резкий звук: будто что-то обтёсывали на точильном станке.

Когда через мгновение она снова появилась, испуганный взгляд Мики упал на сверкающее копьё, которое она держала в руке. Один конец был отколот, и оружие походило на обрубок какого-то длинного копья или пики, хотя и сейчас выглядело не менее устрашающе.

Джура проследовала в дальний угол пещеры и снова скрылась из виду. Мика обернулся к Илаю.

– Что она делает?

Илай пожал плечами и сунул руки в карманы. Однако Мика заметил, как обычно бесстрастное лицо мужчины слегка подёргивается.

Он услышал тихий шёпот, доносившийся откуда-то из глубины тёмной пещеры. Ответом ему стал глубокий роко-чуший стон, который Мика слышал немногим раньше. Он снова посмотрел на Илая, но лицо того уже сковало мрачно-каменное выражение.

Внезапно из дальнего конца пещеры раздался рёв; Мика обернулся на него и увидел ярко-красное свечение, пылающее в темноте. Оно растекалось по камням, озаряло женщину багровым нимбом и падало на нечто огромное и неопределённой формы.

Красное свечение разгоралось.

Это был поток огня. На его фоне вырисовывались вытянутые руки женщины, которыми она удерживала копьё прямо в центре пламени.

Мика сглотнул.

Рёв ослабел до хриплого дыхания, и красный огонь внезапно погас. Джура вышла из тени и быстро зашагала по пещере, держа перед собой копьё, которое теперь отливало ослепительным жёлто-белым светом.

Когда она приблизилась, Мика почувствовал нестерпимый жар. Он обернулся к Илаю, но того не было рядом.

Он посмотрел на Джуру, она кивнула, и Мика понял, что

Илай стоит позади него. Он и охнуть не успел, как Илай завёл ему руки за спину, одной рукой крепко сжал запястья, а второй обхватил за шею и сдавил челюсти.

Джура подошла совсем близко, её глубокие зелёные глаза старательно избегали его умоляющего взгляда. В одной руке у неё была палка, в другой – раскалённое копьё.

– Зажми, – сказала она, сунув палку ему в рот.

Боясь послушаться, Мика сделал, как велели. Он вцепился зубами в дерево. Копьё Джура держала на весу, тем временем развязывая бинты, чтобы обнажить раны. Жар согрел его лицо – а затем и грудь.

Мика бился и вырывался, как испуганная лошадь, его глаза бешено вращались. Илай усилил хватку.

Мика почувствовал, как ногти-крючки разрывают кожу возле раны, и ощутил приближающийся жар копьё...

– Что сделано, должно быть исправлено, – тихо сказала она своим надтреснутым дрожащим голосом; в её глазах сияла неистовая решимость.

Она прижала раскалённый наконечник копьё к рваной ране у него на груди.

Зашипела кровь, запахло горелым мясом; копьё всё глубже вонзалось в тело Мики. Он так крепко впился зубами в кусок дерева, что, казалось, челюсть вот-вот сломается, – но ничто не могло унять эту боль. Боль, которая проникала прямо в сердце; жгучая, сверлящая, дикая. Боль, которую не вынести.

Челюсть разжалась; палка вывалилась и со стуком упала на пол. Но Мика этого уже не услышал.

Глава шестнадцатая

Мика снова оказался на равнине; перед ним стояла Серафита...

Её глаза – два бездонных чёрных омута – были широко распахнуты от удивления. Как Мика и надеялся, она забежала на конюшню проведать своего жеребца Пешнега. Первый раз Мике удалось подкараулить её одну с тех пор, как он увидел тот поцелуй на балконе хозяйского дома.

После работы он прокрался на конюшню и больше трёх часов прождал на сеновале в надежде поговорить с ней. И когда он услышал громкие шаги во дворе, он мигом скатился с лестницы и очутился возле стойла Пешнега.

От её красоты у него перехватило дыхание. От одного лишь взгляда на Серафиту от мог лишиться дара речи и предстать перед ней полным дураком и косноязычным мямлей.

Серафита покраснела; нежно-малиновый румянец расцвёл у неё на щеках и залил тонкую шею. Её блестящие чёрные волосы были распущены и струились по обнажённым плечам: вместо костюма для верховой езды Серафита была одета в облегающее платье, усыпанное сверкающим жемчугом. На груди её поблёскивала брошь с вздыбленным жеребцом, обрамлённым драгоценными камнями.

– Серафита! – сказал Мика; он знал, что говорить надо шёпотом, но с трудом сдерживался. – Мне нужно было увидеть тебя. Ты как будто избегаешь меня после праздника. Разве ты не слышала, как я кричал совой под твоим окном?

Каждое утро, каждый вечер я прячусь на сеновале – но ты посылаешь конюхов ухаживать за Пешнегом. Это совсем не похоже на тебя, Серафита...

Но она молчала и будто бы приросла к полу: глаза широко распахнуты, рот открыт, на прекрасном лице – паника.

– Серафита, – продолжал Мика; и тут он на одном дыхании выпалил все слова, которые хотел сказать ей эти четыре долгих дня: – Кто был с тобой на балконе вашего дома? И почему ты целовала его? Серафита?..

Мика мучительно переживал, что не может унять дрожь в голосе; в горле стоял ком.

– Серафита, пожалуйста... Скажи что-нибудь...

Он сделал шаг в её сторону и был потрясён, заметив, что она вздрогнула. Только тогда он оторвал взгляд от её лица и посмотрел через её плечо на дверь конюшни.

Там на фоне вечернего неба вырисовывались два силуэта. Когда они вошли в конюшню, Мика сразу узнал их и чуть не лишился чувств.

Тот, что пониже ростом, был одет в богатый бархатный плащ с большим меховым воротником и шёлковый головной убор. Это был отец Серафиты. При виде Мики его маленькие крысиные глазки заблестели от гнева, а крылья острого носа задрожали от отвращения. С другой стороны к Серафите приблизился красивый молодой человек, которого она целовала; он взял её под руку и начал поглаживать, успокаивая. На нём был дорогой чёрный пиджак, добротные сапо-

ги с серебряными бляхами на носах, а на лице – брезгливая гримаса, будто он учуял какой-то мерзкий запах.

– Серафита, любовь моя, – произнёс он мягким, бархатистым голосом. – Неужели ты всем своим слугам позволяешь обращаться к тебе в подобной манере?

Серафита посмотрела на него, потом снова на Мику, и пока она переводила взгляд с одного на другого, лицо её становилось суровее: глаза под дугами бровей сужались, ноздри раздувались, и в конце концов она стала похожа на обоих мужчин, стоявших подле неё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.